

Некоторые конструкторские бюро заводов сельскохозяйственного машиностроения создают громоздкие, неудобные для использования агрегаты.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

— Не знаешь, для чего такую огромную машину создали?
— Для уборки укропа на огороде.

КРОКОДИЛ

Три шифра и проз...

ОСОБАЯ СТРОЙКА

Это только в песенке поется, что в пять минут «можно сделать очень много». Во всяком случае, жители подмосковного поселка Ильинское знают цену этому наигранно-бодрому утверждению.

— Пять минут? Нашу поселковую баню и за несколько лет не сумели построить. Заложил ее трест «Коммунаэнергострой». Строил-строил — не достроил. Потом взялся за нее трест «Особстрой» города Жуковского. С апреля строит и тоже никак достроить не может.

Чудаки эти жители! Не понимают, что «Особстрой» по-особому и строит. Конечно, поручи это дело любому колхозному плотнику, ильинцы давно покряхтывали бы от наслаждения, парясь на верхней полке. Но это была бы жалкая кустарщина! Ничего особого здесь не было бы!

Г. ЧУДАКОВ,
председатель
Ильинского поссовета

ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ

СТАВРОПОЛЬ. Председатель левокумской кооперативно-промысловой артели «Победа» изобрел новый календарь. Отныне счет месяцам ведется им в обратном порядке. Так, 20 августа он письменно предложил колхозам Ставропольского края не позднее 1 мая (что трижды подчеркнуто) приобрести камыш для кровли.

А. КАПЛАНОВ

ВАША ЗАПИСКА В НЕСКОЛЬКО СТРОЧЕК

Однажды мы получили письмо от директора московского завода «Автодеталь» А. Калошина. Очень любезное письмо! В нем он предложил нам свои услуги по изготовлению для литейных цехов моделей любой сложности и габаритности.

Мы, конечно, обрадовались и тут же командировали в столицу своих представителей с заказом. К великому нашему удивлению, тов. Калошин принять наш заказ наотрез отказался по той причине, что его завод никаких моделей не изготавливает. И конфузливо предложил нам считать его письмо недействительным.

Беспрецедентный случай, не правда ли?

В. КАШИРИН, инженер
Ленинградского совнархоза

Весомо, грубо, зримо...

...представлены на снимке плоды чугунолитейной деятельности двух заводов: Николаевского судостроительного имени Носенко и Херсонского комбайнового имени Петровского. Это они с чувством (безответственности), с толком (для своего плана), с расстановкой (то есть регулярно) заливают нас многотонным бракопотоком. Вы отчетливо видите залежи негодных станин. Убытки на снимке не видны, их видимо-невидимо — 650 тысяч рублей за полгода! Да, не всякое даяние — благо!

А. ЛЕВИНЦОВ,
электромонтер
Ново-Каховского
электромашзавода

ТЕЛЕГРАММА С ОПЛАЧЕННЫМ ОТВЕТОМ ИЗ ЛЕНИНСКА-КУЗНЕЦКОГО, КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ ПОМОГИ СОВЕТОМ ВСК НАШЕМ ТРЕСТЕ ЛЕНИНУГОЛЬ ДАВНО ПРОСТАИВАЮТ ДВАДЦАТЬ МОЩНЫХ УГОЛЬНЫХ КОМБАЙНОВ ПРИЧИНЕ ОТСУТСТВИЯ ЭКРАНИРОВАННОГО КАБЕЛЯ ТЧК ПОСТАВЩИК ЗАВОД ТОМКАВЕЛЬ КАБЕЛЯ НЕ ПРОИЗВОДИТ ЗПТ ДРУГОГО ПОСТАВЩИКА РОСГЛАВЭЛЕКТРОСНАБСБЫТ НЕ ВЫДЕЛЯЕТ ТЧК КАЖДЫЙ МЕСЯЦ ПРОСТОЯ КОМБАЙНОВ ОБОХОДИТСЯ СТРАНЕ БОЛЕЕ СТА ТЫСЯЧ ТОНН УГЛЯ ТЧК ЧТО ДЕЛАТЬ ВПРС НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СНАБЖЕНИЯ ТРЕСТА ПЕТРОВ.

Дорогой Крокодил!

Нельзя ли перевести Смоленское горжилуправление в наш четвертый подъезд дома № 9 по Красногвардейской улице?

Недавно по инициативе и при непосредственном руководстве старшего инженера означенного горжилуправления Антропова и техника Журавлева под жилыми комнатами нашего подъезда были установлены мощные электромоторы для регулирования воды в системе парового отопления. Не знаем, как насчет воды, а жизнь они нам регулируют так, что жить стало невозможно.

День и ночь, сутками напролет, во всех квартирах с первого до пятого этажа не смолкает вибрирующий, умопомрачительный гул. Ни уснуть под него, ни даже словом перемолвиться.

В горжилуправлении на наши жалобы и просьбы отвечают:

— Ничего! Привыкнуть ко всему можно!

Но мы-то не можем! Пусть привыкают те оптимисты, которые бодро призывают нас к этому. Помоги, Крокодил, поскорее перевести их в наш подъезд.

По поручению жильцов дома № 9
М. БЕЛОВА

* * *

Вот уже два года колхозы Велико-Михайловского района, Белгородской области, не могут получить баки и другое оборудование для строительства водонапорных башен на своих животноводческих фермах. Писали мы, писали по этому поводу в различные инстанции, но безуспешно. Баков нет и, судя по ответу заместителя министра сельского хозяйства РСФСР тов. Васина, скоро не предвидится: мол, фонды на водонапорные башни крайне ограничены, а «подвесные дороги, как металлоемкие... с производства сняты».

Посоветуй, дорогой, какой металлоемкостью надо обладать, чтобы пробить брешь в неприступной стене равнодушия к механизации животноводческих ферм. Пить-то скотине хочется!

И. ЛАРЧЕНКО,
секретарь Велико-Михайловского райкома КПСС

ПО 10 РУБ. В ЧАС

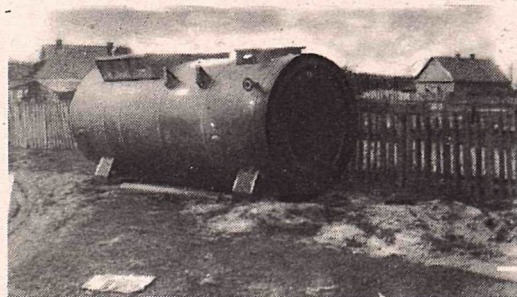
Бухгалтер Клюка наводил совнархозы страны стандартными письмами:

«Уважаемый коллега! Обращается к Вам новатор-рационализатор бухгалтерского учета Клюка Владимир Федорович, проживающий в г. Ленинграде, пр. Горького, № 55, кв. 5, тел. В 3-32-36, который реконструировал... систему учета, и результаты получились необычайные... На сегодня я применил свой новый метод в крупной организации г. Тбилиси «Грузснаб».

...Желающих ознакомиться с моим новым усовершенствованным методом учета охотно инструктирую лично в несколько часов по 10 руб. в час.

Повторяю В. Ф. Клюка. Говорят, что авантюра у предпринимателя инвентаря не переводится. Что ни говори, дешево: 10 рублей в час.

Это не игрушки!

Туго приходится локобилу, запечатлеленному на фотографии: он потерял своего хозяина, даже не успев с ним познакомиться. Хозяин этот — Хотьковский чугунолитейный завод. Он должен был получить локобил, но... Калужский облместпром не выделил денег, и локобил застрял на станции.

А потом Хотьковский завод слился с Думиничским заводом аналогичного профиля, и интерес к локобилу (в то время уже разобранному на части) пропал, как пропадает у детей интерес к сломанной игрушке.

Игрушку выбросить можно: она стоит недорого. Чего нельзя сказать о локобиле. Не кажется ли Калужскому облместпрому, что подобные игрушки не совсем подходящий объект для игры?

И. ИВАНОВА и другие жители Хорошевских улиц

ДЕЙСТВУЮЩИЙ ВУЛКАН

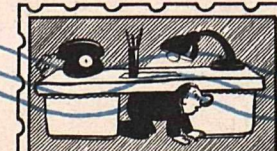
Мы уже давно обратили внимание на чрезвычайно и странное обстоятельство: в Москве обнаружен действующий вулкан. Хотя по своим габаритам он намного меньше Ключевской сопки или Везувия, но по силе дымоизвержения он даст им десять очков вперед. И, что особенно удивительно, это чудо природы расположено в громадном жилом массиве, среди новостроек Хорошевского шоссе и Хорошевских улиц. Речь идет об асфальтобетонном заводе № 1.

Между прочим, вместе с густейшими клубами черного дыма он извергает еще кое-что. Вот что официально и документально заявляет по этому поводу санитарно-эпидемиологическая станция Ленинградского района:

«Анализ воздуха на силицевую пыль, проведенный санитарной станцией в районе жилых домов и в окружении завода, показал большие концентрации силицевой пыли в воздухе, превышающие предельно допустимую норму в 120 раз» (!).

Какое «благоприятствование воздуха»! А вместе со взрослыми этим благоприятствием дышат здесь тысячи детей.

Спору нет: асфальтобетонный «вулкан» был естественным явлением природы при рождении нового большого района. Но теперь, когда трудные роды остались позади, ему тут не место.

— Петрович, нам прислали новую машину! Сделай так, чтобы на ней можно было работать!

Владимир ИВАНОВ

Быка—за рога

ПРОВЕРКА

— Что! Проверка ферму ждет!..
Петр Кузьмич забегал разом:
Должен каждый недочет
Видеть он хозяйским глазом!
— Что! Проверка не у нас,
А у нас — попозже сроком!..
И хозяйский, острый глаз
Снова стал сонливым оком!

При встрече Николай Иваныч,
Пал Палыч и Степан Романыч
Обычно спорили на крик.
И вдруг случилось диво за ночь:
Пошли машины напрямик!
Наладил кто-то переправу,
Горячий остудив вопрос...
Умеет действовать на славу
Дорожный мастер Дед-Мороз!

ТЕПЛАЯ ЗИМОВКА

«Коровник спешно утеплить,
Кратчайший срок определить!..»
Писалось столько раз пером,
Что даже вспомнить неловко...
Когда б в коровнике проем
Заделать письменным столом,
Была бы теплою зимовка!

ПЕРЕПРАВА

В объезд со скрежетом и дрожью
Машины шли по бездорожью.
— Тянуть нельзя!
— С мостом как быть!
— Кого винить!
— Кому чинить!..

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

«Примета нового села»
Была художнику мила.
Этюд сельские, как мог,
Насытил силосною башней!..
Ему, видать, и невдомек,
Что башня — это день вчерашний!

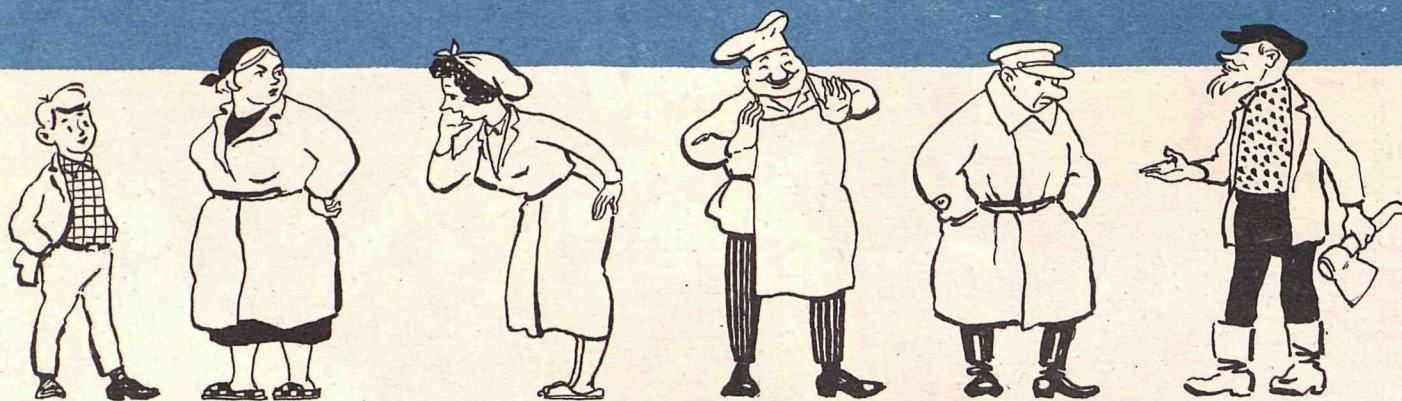

НЕЖИРНЫЙ, ЮВЕЛИРНЫЙ

Хил и ростом невысок,
Раскричался петушок:
— Отнесите к ювелиру!
Удружила ферма мне:
Я рубину и сапфиру
Стал равняться по цене,
И поэтому я вправе
В золотой сиять оправе!..

ПЕТУХИ ПОЮТ

ЭТА загадочная телеграмма адресована была главному врачу санатория «Зеленые горки» Елене Васильевне Красновидовой. В телеграмме говорилось: «Петухи и куры живы-здоровы, поют, кудахчут, несут яйца. Мяса сто два, молока четыреста восемь. Встречайте субботу вечером. Коробков».

Рассылный Витька Петряшин — озорник и пересмешник, — вручая депешу дежурной сестре, хитровато подмигнул, присвистнул и вдруг ни с того ни с сего заорал по-петушину:

— Кука-ре-е-ку-у!

— Ты что, с ума спятил, шалопут непутевый? — цыкнула на него сестра. — Чего глотку дерешь?!

— А ты не ругайся, дорогая! — ухмылялся Петряшин. — Петушок-золотой гребешок скоро пожалует собственной персоной. Коляску просит подать на станцию. Куд-кудах! Куд-кудах!..

Полчаса спустя к сестре прибежала кастелянша Дора и таинственно осведомилась:

— Говорят, наша Елена Васильевна каких-то необыкновенных петухов выписала?

— Глупости! — сердито бросила сестра. — Мало ли чего телеграф может намолотить!

Но слух о петухах пошел гулять по всему санаторию. Смотрел на него всяк со своей колокольни. Шеф-повар Кирьяныч жарил кабачки на завтрак и рассуждал примерно в таком разрезе:

— Молодец Елена Васильевна! Ей-богу, молодец! Что такое петушок в условиях санаторной кухни? А вот что, разлюбезные! Бульончик — раз, диеткотлетка — два, чахохбили — три, цыплята табака — четыре... Опять же суп из потрохов...

По-иному реагировал на телеграмму завхоз Шуркин. Он сидел в своем рабочем кабинете, отгороженном фанерой, в конце коридора грязелечебницы, и гремел в телефонную трубку:

— Кто такой этот Коробков? О каком курятнике он заговаривает нам зубы по телеграфу? Ах, не знаете! Ну, так вот что, милочка: пусть Красновидова сама встречает этого куриного гостя... Что, что?.. Красновидова на конференции?! Как хотите, не я заваривал кашу...

Бросил трубку, одумался. Зря, кажись, нагрубил сестре. Разве виновата она, что приняла путаную телеграмму? Человек новый, исполнительный. Врачи уважают ее... Да, погорячился...

Шуркин накинул плащ и вышел из кабинета. На усадьбе ему повстречался плотник Воскобойников.

— А, кстати, Иван Кузьмич! — обрадовался завхоз. — К субботе надо будет временный курятничек устроить.

— Это для чего ж? — запнулся плотник в недоумении.

— Красновидова решила, видите ли, подсобным хозяйством обзавестись, — пояснил Шуркин. — Курей для санатория закупила.

— Похвальное дело задумано, Пал Палыч! — оживился Воскобойников.

— Не положено в санатории дичью заниматься, — уклончиво ответил завхоз.

...В пятницу вернулась из Москвы Красновидова. Настроение у Елены Васильевны было, как говорят, приподнятое. Конференция терапевтов высоко оценила ее новый метод лечения гипертонии. Министерство здравоохранения решило издать труды Красновидовой отдельной книжкой.

Когда Елене Васильевне показали телеграмму Коробкова, она, пробежав ее глазами, разразилась звонким хохотом.

— Уморил Сергей Сергеевич!.. Ой, уморил!.. Петухи поют. Ха-ха-ха!.. Мяса сто два, молока четыреста восемь. Орел! Настоящий орел! Завтра нужно обязательно встретить его и поместить во флигеле! — предупредила она дежурного врача. — Человек хворый, пусть хорошенько отдохнет.

Затем поведала историю этой загадочной телеграммы.

— Вам тоже небезынтересно послушать, — обратилась Красновидова к отдыхающим, среди которых были председатели колхозов и секретари сельских райкомов.

Те охотно согласились. Вышли в гостиную, разместились, и Елена Васильевна начала:

— Прошлый год, в это самое время, лечился у нас Коробков Сергей

Сергеич. Ну, кто такой Коробков, вы, должно быть, лучше меня знаете. Это председатель верхневолжского колхоза «Маяк революции», Герой Социалистического Труда, человек известный. Приехал он к нам усталый, болезненный. Страдал бессонницей, жаловался на головные боли, да и сердце у него пошаливало.

Трудно было лечить такого больного. И не потому, что мы, врачи, не понимали чего-нибудь. Нет! Натура у человека неподатливая. Иной раз напомнишь ему: «Сергей Сергеич, для вашего организма нужен абсолютный покой», — а он тебе с иронией: «Вот получу письмо от своего заместителя, тогда и успокоюсь». К слову сказать, писали ему довольно часто. Заместитель председателя Доханин аккуратно информировал его о колхозных делах. И кто знает, что больше беспокоило Коробкова: болезни или письма заместителя?

Получит, прочтет и до утра глаз не смыкает. При обходе спросишь бывало: «Как почивали?» А он опять о своем: «Все бы ничего, да вот удои снизились. Придется вам, доктор, досрочно выписывать меня. Не могу, конец года».

В те дни газеты печатали рапорты передовиков села. Коробков вооружался газетой, шел ко мне в кабинет и, потрясая ею в воздухе, убежденно говорил: «Смотрите, какие дела творятся на свете! А вы хотите, чтобы я пластом лежал... Не выполнят они без меня обещания. Вы понимаете, доктор? Восемьдесят центнеров мяса и триста центнеров молока на сто гектаров земли не шутка! Эту цифру с умом нужно добывать...»

...Срок лечения Сергея Сергеича подходил к концу. Здоровье его заметно пошло на поправку. Он лучше стал спать, при встречах с докторами шутил, рассказывал смешные истории. И вдруг, будь она трижды неладна, телеграмма из колхоза. Телеграфировал тот же Доханин. Чем бы, вы думали, он хотел порадовать Коробкова? А вот послушайте! Содержание этой телеграммы я как сейчас помню:

«Вчера прибрел у колхозников тысячу петушков, полторы тысячи кур, пятьсот подсвинков и сдал в мясозаготовку. План выполнил. Можете рапортовать».

Дружный хохот слушателей потряс гостиную. Председатели колхозов восклицали:

— Вот так удружил!

— Одним махом выполнил!

— Иные и в этом году так поступают!

— Ну, не скажи, таких теперь немного!

Когда шум в гостиной затих, Елена Васильевна продолжала:

— Вам, конечно, весело сейчас, но Коробкову тогда не до смеха было. Не подоспей наша помощь — печально закончилась бы история. На уколах несколько дней держали. Еле-еле поставили на ноги. Месяц еще пролежал на особом режиме...

Уезжал домой в канун Нового года. Когда подали машину, Сергей Сергеич забежал ко мне попрощаться. «Извините, — говорит, — Елена Васильевна, что столько хлопот причинил вам». Пожал горячо руку и направился к выходу. Я хотела проводить его до машины. Вдруг он остановился у порога и молвит: «Разрешите, Елена Васильевна, об одном условии с вами договориться?» «Пожалуйста, — отвечаю я, — всегда готова послушать больного». А он поправляет: «Не больного, а председателя колхоза, коммуниста».

— Коробков не растеряется! — заметил кто-то из слушателей. — Ну, а какое условие поставил он перед вами?

— А вот какое, — отвечала Красновидова. — Сергей Сергеич сказал: «Жив буду, через год снова приеду к вам подлечиться. Но при одном условии: если дам на каждую сотню гектаров сто центнеров мяса, четыреста центнеров молока и пальцем не трону живности колхозников»... Понимаете теперь смысл телеграммы?

— Вон оно что! — воскликнул секретарь райкома, сидевший напротив Красновидовой. — А тут ваши работники с ног сбились, курятники начали строить.

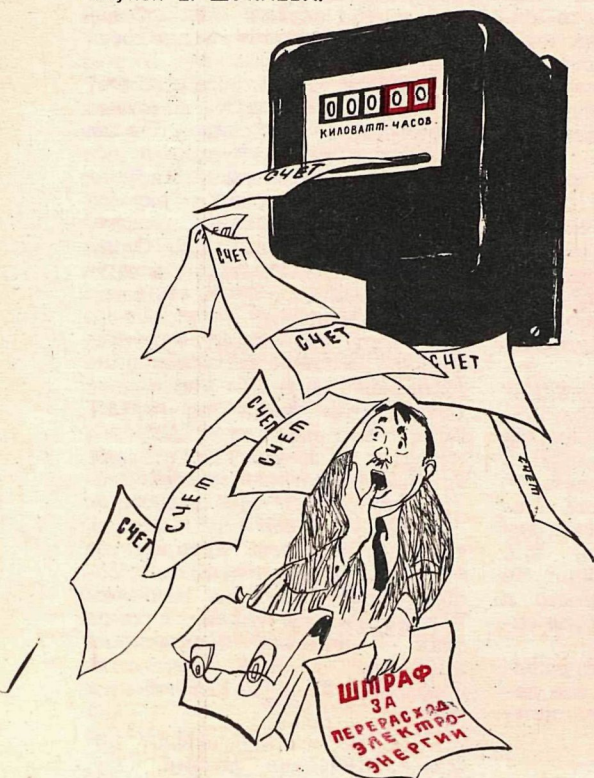
Гостиния снова огласилась хохотом...

...Расходились в хорошем настроении. Только завхоз Шуркин покраснел и будто поперхнулся. А потом заторопился предупредить плотника Воскобойникова, чтобы тот не старался понапрасну насчет курятника. Ошибочка, мол, вышла...

«...НЕОТЛОЖНОЙ ЗАДАЧЕЙ ВСЕХ ПАРТИЙНЫХ, СОВЕТСКИХ, ХОЗЯЙСТВЕННЫХ, ПРОФСОЮЗНЫХ И КОМСОМЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ДОЛЖНО СТАТЬ РАЗВЕРТЫВАНИЕ НАСТОЙЧИВОЙ БОРЬБЫ ЗА БЕРЕЖЛИВОЕ РАСХОДОВАНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ...»

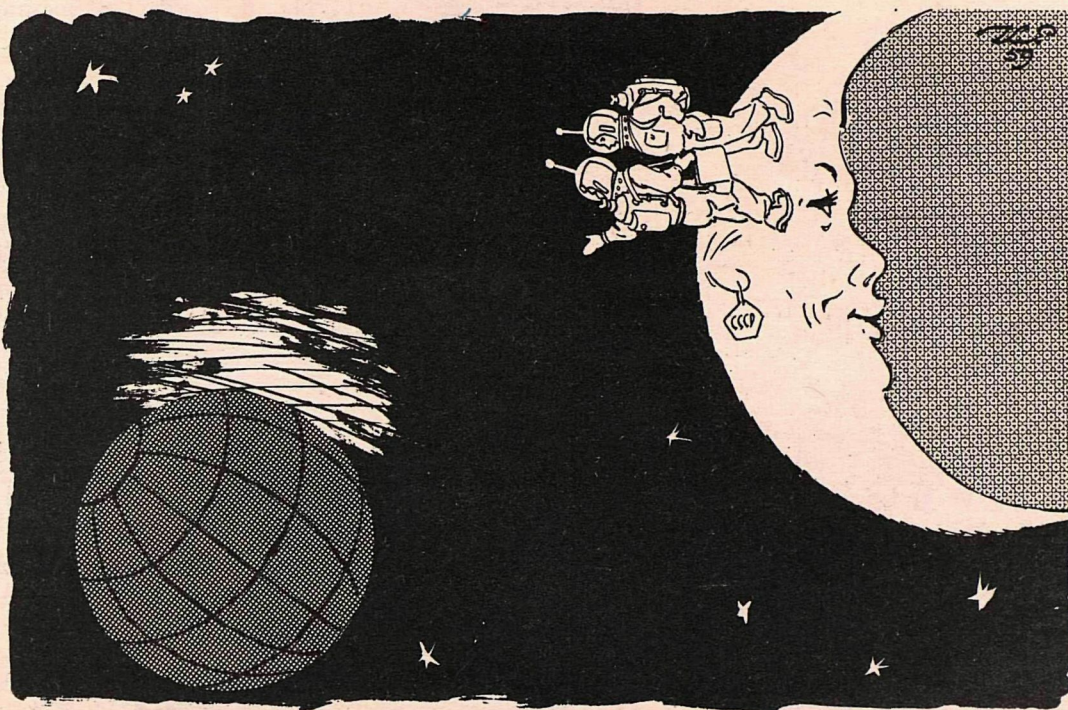
[Из письма ЦК КПСС «О рациональном использовании электрической энергии в народном хозяйстве».]

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

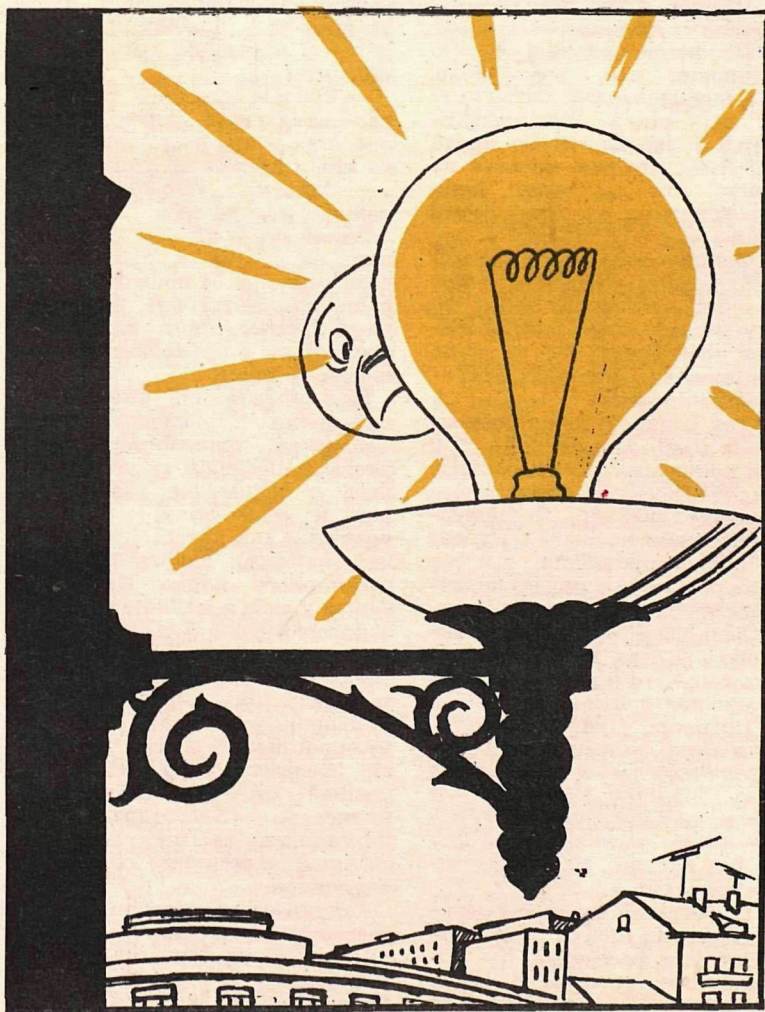
Электролечение.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Кажется, в районе Одессы и Ростова протуберанцы возникли.
— Да что ты! Это пережог электроэнергии.

Рисунок Бориса ЛЕО.

Затмение солнца.

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— А не нас ли касается это предупреждение!

Иногда руководство предприятиями сводится главным образом к изданию многочисленных циркуляров и приказов.

Рисунок Ю. УЗЬЯКОВА.

Руководство на высоте.

Варвара КАРБОВСКАЯ

УВАЖАЕМЫЕ

и

ГОВОРЯТ, дело было так: окончился спектакль в одном из академических театров. Отшумели аплодисменты, актеры — народные и заслуженные — разгримировывались в своих уборных. Внезапно в дверь кто-то постучал.

— Войдите, — сказал известный артист.

На пороге появился человек средних лет, среднего роста. Он подошел к туалетному столику, за которым сидел артист, и не то чтобы презрительно, но как-то покровительственно положил двадцать пять рублей.

— Как это понимать? — удивленно спросил артист.

— Очень просто, — сказал незнакомец, секунду поколебался и начал фамильярничать: — Я же видел, как ты, брат, старался в последнем действии, даже вспотел. Так что, как говорится, не кобенься, бери. Не считай это чаевыми, просто я тебе симпатизирую и решил отблагодарить.

Народный понял, что его разыгрывают. Он сам любил это делать. Он взгляделся в незнакомца и воскликнул:

— Вспомнил!

— Очень рад. Тогда разрешите представиться: Спиридонов Иван Андреевич.

— Ведь это ты... то есть вы на своем такси возили меня третьего дня в Черемушки?

— Память у вас что надо! — похвалил шофер.

— Профессиональная. Но восстановим все, как было. Я дал вам двадцать пять рублей, вы стали отсчитывать сдачу, а я сказал что-то вроде того, ммм... что моя машина на ремонте, что вы возили меня очень хорошо и я считаю своим долгом...

— Однако на этот раз вас память подвела, — заметил шофер. — Вы похлопали меня по плечу и сказали: «Ты, брат, бери, не кобенься...»

— Неужели именно так? — удивился артист.

— Так точно. И даже добавили: «Не нами заведено, не при нас и кончится». И еще разъяснили, что, дескать, от каждого по трешке, глядишь, за дежурство набегит полсотни. Ну, вот и я, прошу прощения, так же подумал: если от каждого зрителя вам по десятке, по двадцатке — ведь вы как-никак три часа работали для нас в гриме и в костюме, — то и у вас набегит кругленькая сумма.

— Подожди, чудак человек! — сказал актер, незаметно переходя снова на «ты», но на этот раз потому, что почувствовал к Спиридонову искреннюю симпатию. — Могу я тебя отблагодарить без всякого желания унижить или нет?

— Можете. Сказали бы: спасибо, товарищ шофер. И я у себя в гараже рассказал бы ребятам, что возил сегодня любимого, знаменитого, народного, и какой, мол, он душевный и простой человек. А тут что я скажу? Любимый и народный су-

нул мне горсть смятых рублевок и еще сказал: «Не кобенься». Между прочим, вы в гости ходите?

— Хожу, хотя и редко. А что?

— А то, что хозяйке дома, которая для вас старалась, вы же не сунете четвертную!

— Сравнил! То знакомая, уважаемая дама, как же я буду совать ей деньги? Это не принято!

— Вот теперь все ясно. Одни, стало быть, уважаемые, а другие неуважаемые? А почему, интересно знать?

— Черт его знает, действительно, почему? — искренне удивился артист. — Нет, нет, братец, ты меня не пугай! Есть у нас еще такие шоферы, которых не за что уважать: обсчитывают, отказываются везти, если видят, что невыгодно.

— Ну уж, если на то пошло, то и артисты есть, которые гонятся за длинным рублем и вообще ведут себя не слишком аккуратно. Так что же, я из-за этих отдельных некрасивых личностей должен брезговать поголовно всем артистическим миром?

— С ума сойти! — сказал артист. — Железная логика. Ну, вот что: идите за вашим пальто и подождите меня у выхода. Я быстро. И тогда поговорим.

Выйдя через десять минут из театра, артист увидел Спиридонова. Шляпы у них были совершенно одинаковые, да и пальто оказались похожими, только ратин у народного артиста был подороже.

— Зайдем посидим полчаса, — предложил актер, когда они шли мимо ресторана. — Там вы мне и доскажете свою мысль.

— Зайдем. Только платит каждый сам за себя.

Рассказывают, что они уселись за столик и продолжали свой разговор. И поскольку этот разговор, безусловно, представляет интерес, нам захотелось повидаться с начальником всех шоферов такси.

Иван Федотович Старшинов, начальник Управления таксомоторного транспорта, хочет, чтобы к шоферам такси относились с таким же уважением, как к инженерам, рабочим, врачам и так далее. Он приводит примеры: шофер 7-го таксомоторного парка Едигорьян нашел у себя в машине сумочку, в которой было 5 тысяч рублей и золотые часы. Он отдал ее в склад забытых вещей (запомните, товарищи, адрес: Москва, Большая Грузинская, 76). Волнующей была встреча гражданки Железновой со своей пропавшей сумочкой! Железнова написала: «Благодарю тов. Едигорьяна за поступок, достойный настоящего советского труженика».

Такую же благодарность от рассеянных пассажиров получили шофера Митусов, Чалых, Парамонов и многие другие. Гражданин О. чуть не плакал от умиления, когда ему вернули женину котиковую шубу, которую он забыл в багажнике. Сло-

НЕУВАЖАЕМЫЕ

вом, абсолютное большинство шоферов такси уважают свой труд, свое звание советского гражданина.

— Однако есть и такие, которые не уважают?

— Бывают и такие. Например, водитель Ермолин обсчитал своих пассажиров. Этот случай обсуждался на собрании водителей. Они потребовали, чтобы Ермолина уволили. Было время, когда шоферы зарабатывали мало. Сейчас водитель такси, перевыполняя план, получает оклад не меньше инженера на производстве. А что вы знаете о «Памятке водителя»?

Оказалось, что я, постоянный пассажир такси, ничего не знаю о «Памятке». И, наверное, многие не знают о ней, а это интересно. Вот, например:

«Водитель такси обязан быть вежливым с пассажиром.

В пути не должен отвлекаться разговорами, курить.

При выходе пассажиров из машины водитель обязан открыть дверцу, помочь выгрузить вещи, объявить стоимость проезда...»

— Кое-кто из водителей, — сказал Иван Федотович, — был против некоторых пунктов «Памятки». Считали, например, что открывать дверцу — лакейство. Но ведь это вздор! Простая вежливость, забота о пассажире. Но и пассажир должен быть вежливым: не тыкать свои рубли и трешки на чай. Я, дескать, барин, а ты извозчик, принимай от меня подачку. Знаете, как ответил один наш молодой водитель такому барину? Он сказал: «Заберите ваши чаевые. Ведь вы не пойдете за кулисы к артисту и не сунете ему на чай в благодарность за доставленное удовольствие!..»

Вот тут-то я и поверила той истории, которую рассказывали про шофера Спиридонова и народного артиста. Но говорят, что закончилась она довольно неожиданно. Актер сознался, что дает чаевые гардеробщикам.

— Но, — сказал он, — когда мне доводится встречать гардеробщика, который всем своим видом показывает, что чаевых он брать не будет, мне, братец мой, никогда даже в голову не приходит дать на чай. То есть просто рука не поднимается! Значит, не всегда можно демонстрировать свои дурные привычки.

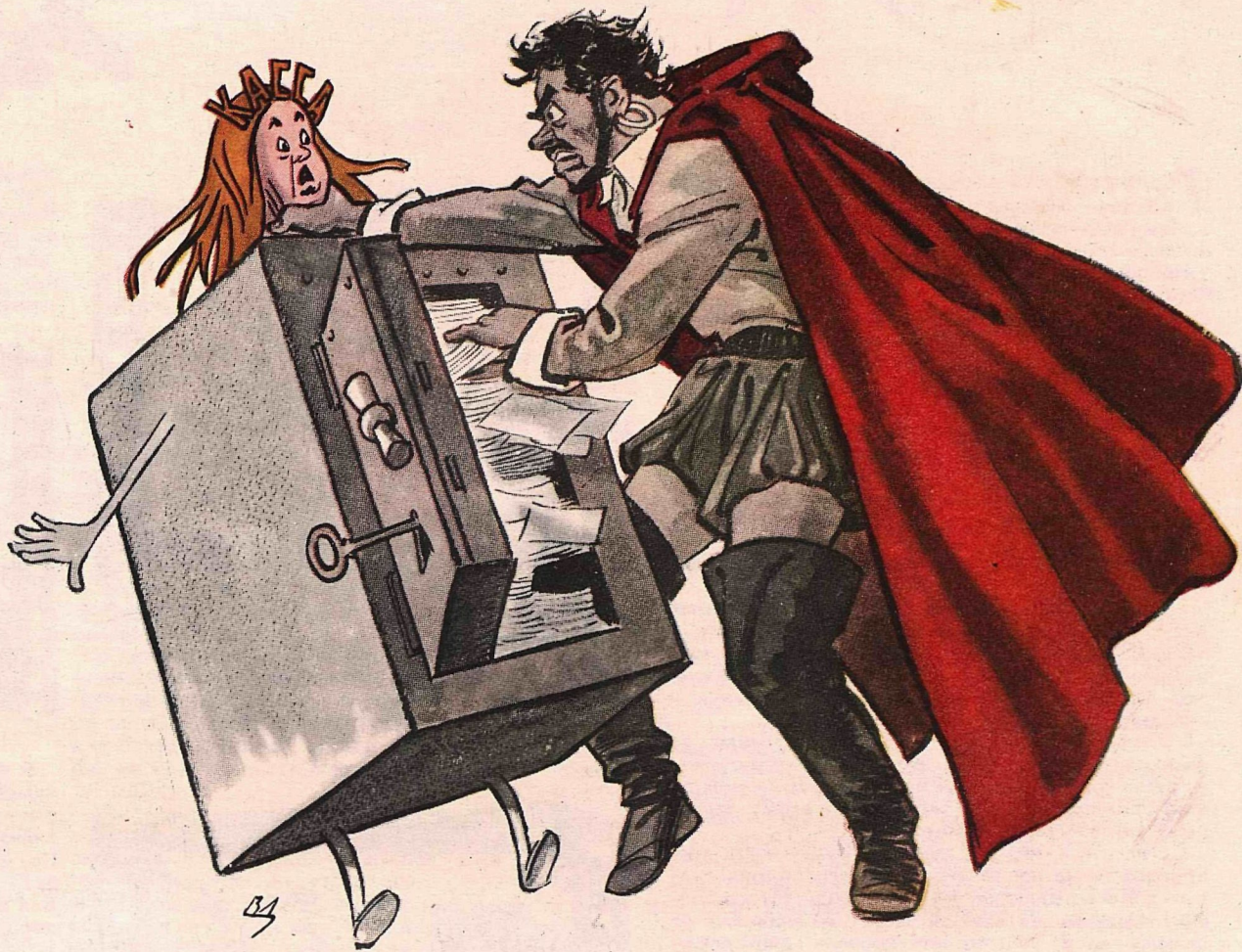
Собрались уходить, стали расплачиваться, как уговорились, — каждый за себя. И тут народный артист увидел, что шофер сверх причитающейся суммы добавил три рубля.

— Э, братец мой, что же это вы делаете? Сами ратуете за достоинство и уважение и тут же суете официанту чаевые?

Спиридонов сконфузился и хотел было взять свои три рубля обратно, но официант незаметно сгрел их, сказав «спасибо».

Вот как закончился разговор народного артиста с шофером Спиридоновым. Но вообще разговор об уважаемых и неуважаемых не кончен. Желающие могут присоединиться.

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

ОТЕЛЛО:— И долго мучиться тебе не дам!..

У МОИХ ПОДШЕФНЫХ

ИГОЛКА В СТОГЕ СЕНА

Р АССКАЗЫВАЮТ, что на улице древнего восточного города один прохожий обратил внимание на странную и удивительную картину. По пыльной дороге важно шествовал дервиш, ведя за собой огромного, могучего слона. Время от времени дервиш оборачивался и грозно кричал:

— Осторожней, о бессловесное животное! Не урони ношу, да покарает тебя аллах!

Прохожий удивился.

— Послушай, добрый человек, — сказал он, — о чем ты говоришь? Какая ноша? Ведь на спине твоего слона ничего нет!

— Ты слеп, — презрительно сказал дервиш, — погляди лучше, и ты увидишь, что слон несет мою запасную чалму.

— Но ведь это неразумно! — настаивал прохожий. — Неужели для переноски твоей чалмы необходим слон?

— Нет, аллах не наградил тебя мудростью, — ответил дервиш. — Запасная чалма — единственное мое достояние. Кроме чалмы, он может нести только груз моих грехов.

Эта маленькая притча пришла нам на ум, когда мы смотрели на огромный экскаватор марки «ДС-1000», который вынужден был делать не более производительную работу, чем вышеупомянутый слон.

Представьте себе огромный котлован рудника. Для того чтобы добраться до руды, нужно вскрыть породу. Эту работу вместе с другими машинами делает экскаватор «ДС-1000», который яростно вгрызается в землю своей клешней-ковшом. А ковшки экскаватора за сутки могут вырыть этой земли ни много ни мало — 20 тысяч кубометров. Но экскаватор, который — дай ему волю! — мог бы в короткий календарный срок добраться до самого земного ядра, пока занимается «переноской запасной чалмы». Судите сами: эта циклопическая машина за сутки едва ли вырывает 500 кубов.

А Соколовско-Сарбайскому комбинату нужно, ох, как нужно, чтобы экскаватор давал свои законные 20 тысяч кубов. Ибо там, за этим пластом земли, лежит руда.

Но экскаватор «ДС-1000», увы, не обладает даром передвигаться по голой земле, как его шагающий собрат. Он движется по рельсам. А без рельсов, без этой стальной дороги, экскаватор становится инвалидом первой группы.

Кто же преждевременно перевел могучую машину на инвалидность?

В начале нынешнего года «Главметаллосбыт» Казахской ССР передал Челябинскому совнархозу 746 тонн стали.

— Сделайте рельсоскрепления для путей экскаватора и другие поковки, чтобы экскаватор мог отбросить свои костыли и развернуться во всю мощь.

Детали должен был делать Челябинский кузнечно-прессовый завод, но сталь, словно иголка, застряла в каком-то совнархозовском стоге сена... И вот десятки организаций уже полгода роются в этом стог, тщетно пытаясь разыскать пропавшую иголку.

— Иголка у вас! — доказывает «Главметаллосбыт» Казахстана.

— Ей-богу, нет! — боятся в Челябинском совнархозе. — Может, она на нашем кузнечно-прессовом заводе застряла? Поищите там.

— Какая еще иголка? — огрызаются на заводе. — Никакого мы металла не получали.

И от одной организации к другой, охрипнув от жалоб, мечутся представители Соколовско-Сарбайского комбината, тщетно пытаясь разыскать свой металл.

Мы позвонили в Челябинский совнархоз. Нас мучил вопрос: куда же все-таки девалась многотонная иголка?

— Видите ли, металл был у нас, но мы об этом не знали.

— ?!

— Да, да, не знали. Нас подвела Алма-Ата.

И в совнархозе нам долго и скучно объясняли, почему они не знали, что металл был у них. Оказывается, еще в начале года «Главметаллосбыт» Казахской республики действительно выделил металл, забыв уведомить Челябинский совнархоз, для чего отпускается металл. И челябинцы спокойно израсходовали его на свои нужды.

А экскаватор стоит. Еще полгода назад завод должен был выполнить заказ. Но до сих пор комбинат не получил ни одной детали. За эти месяцы экскаватор мог бы вырыть миллионы кубометров земли, намного приблизить ту минуту, когда новые эшелоны руды пойдут к домам... И только из-за слоновой медлительности снабженцев, из-за нелепой бюрократической волокиты простаивает огромная машина, могущая своротить горы.

Т. БОБРОВА,
В. ТИТОВ,

специальные корреспонденты Крокодила

«Самая нежная»

ГОЛЛИВУДСКАЯ фирма «Братья Симкинс XX век» снимала новое ревью.

Нежданно-негаданно в студию пожаловал сам брат Симкинс и сел рядом с продюсером.

Новое ревью ничем не отличалось от старого. Рота герлс спиной к кинокамере отбивала канкан. Гейне называл таких актрис танцовщицами обоих полушарий. Ослепительно светили юпитеры, крутилась пленка, дробно стучали каблучки, взлетали юбки, вибрировали полушария.

— Вы не считаете, что пора показать капитализм с более привлекательной стороны? — спросил хозяин фирмы.

— Как! — воскликнул потрясенный продюсер. — Неужели эта сторона для вас недостаточно привлекательна?

— Да, но...

— Потерпите, еще два коленца, и герлс повернутся фасадом.

— Нам предлагают показать с фасада капитализм, а не герлс! Короче говоря, только что я получил из столицы выгодный заказ — снять полнометражный цветной пропагандистский боевик под условным названием «Капитализм вчера и сегодня».

Продюсер все понял. Фильм выстрелили за каких-нибудь шесть дней. Его назвали интригующе и зазывно: «Самая нежная». Информационное агентство крутило его задарма по всему западному свету — только смотрите!

Согласитесь, что мы лишены возможности воспроизвести на наших страницах все подряд кадры из этого выдающегося пропагандистского боевика. Поэтому из каждой части мы оставили по одному кадру с соответствующим дикторским текстом.

Итак, просим читателей занять места. Гаснет свет, и на крокодильском экране вспыхивают титры:

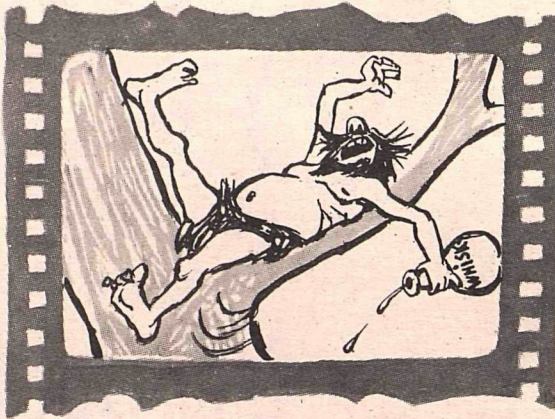
«САМАЯ НЕЖНАЯ общественная формация»

Голос диктора-бодрячка:

1. Уважаемые господа! В наши дни, когда капитализм подвергается граду незаслуженных нападков и оскорблений, когда красные утверждают, что мы нашли наши богатства на эксплуатации, угнетении, финансовых махинациях и войнах, мы считаем своим долгом рассказать миру подлинную славную историю капитала с древних лет до наших дней.

В незапамятные времена сыновья Адама были в равной степени голы и неимущи. Тогда не существовало бедных и богатых, профсоюзов и полицейских. Но уже тогда люди делились на трудолюбивых и лентяев. Мистер пра-пра-пра-Нельсон принадлежал к числу первых. С рассвета до вечерней зари он в поте лица своего ковырял землю мотыгой...

2. ...в то время как его несправедливый брат пра-пра-Джек бил баклуши и прокучивал все, что у него было, и даже больше того.

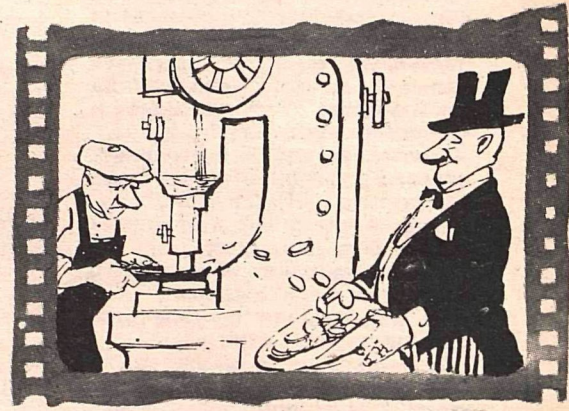

3. Мистер пра-пра-пра-Нельсон был не только трудолюбивым, но и разумным и, что еще важнее, бережливым джентльменом. В трудный период первоначального накопления дьявол нашептал ему: «Подцепи герл-канашку и дуй в бар! Отведи душу, чудак! Промотай накопленное в трудах праведных!» Но в другое ухо всевышний повелевал ему трудиться не покладая мотыги. Страшные муки испытывал мистер пра-пра-пра-Нельсон, душа его разрывалась на половинки, но он внял совету всевышнего и устоял перед соблазном.

4. И вот настал день, когда нерадивый и нечестивый пра-пра-Джек пропил последнюю шкуру и пришел к мистру пра-пра-Нельсону в од-

них плавках фасона «бикини», протянул ему свои руки и взмолился: «Купи мои руки, потому что нечего мне больше продать, чтобы заработать на животы своя». И смилостивился мистер пра-пра-Нельсон и нанял пра-пра-Джека на свой завод, который он успел построить на накопленные деньги.

5. Мы не скрываем, что одно время пра-Джек, чумазый и усталый, стоял у станка, в то время как мистер пра-Нельсон наслаждался благами цивилизации и подсчитывал прибавочную стоимость. Но, в конце концов, это было только справедливо. Ведь мистер пра-Нельсон вкушал плоды трудолюбия своих предков, а пра-Джек расплачивался за нерадивость и леность своих.

6. Впрочем, так продолжалось совсем недолго. Мистер Нельсон простил своего чумазого брата.

Мистер Макдональд

МЕСЯЦА три назад американец Дональд К. Макдональд-младший, проживающий в штате Миннесота, разослал по разным странам брошюрку собственного сочинения под заголовком «Новый путь борьбы с коммунизмом».

Вся беда в том, пишет Макдональд-младший что у сторонников «свободного мира» нет никакого объединяющего, вдохновляющего символа, тогда как у Советского Союза есть красный флаг, есть серп и молот. Мистер Макдональд считает, что необходимо создать благородную эмблему капитализма. Тогда все будет хорошо.

Мы не знаем, как откликнулись те, к кому

ВАМ ВИДНЕЕ...

Открытое письмо Джеймсу Рестону,
руководителю вашингтонского бюро газеты
«Нью-Йорк таймс»

Он дал ему акции своего предприятия, и чудо свершилось. Воцарился народный капитализм — самая гуманная, самая нежная общественная формация. Рабочий класс исчез. На его место пришел «белый воротничок». Вся работа человека в белом воротничке сводится к тому, что он нажимает кнопки электронного управления станками. Он весел, богат и аб-б-солютно счастлив! На экране вы видите народных капиталистов: слева — мистер Джек, справа — мистер Нельсон.

Это конец фильма, леди и джентльмены, и притом конец счастливый. Шлите ваши отзывы. Гуд бай!

И отзывы хлынули рекой. Но так как заокеанское Информационное агентство забыло указать адрес, куда направлять письма, некоторые отзывы попали в Крокодил, и мы спешим познакомиться с ними читателя.

«В фильме «Самая нежная» говорится, что рабочий класс в капиталистических странах исчезает, а куда — не показано. Я-то знаю, куда, потому что я один из четырех миллионов «исчезнувших» с заводов. Мы ходим без работы и нажимаем кнопки у дверей благотворительных учреждений.

Джек Томпсон,
безработный из Кливленда».

«...Чудесный фильм, отличный фильм, он утешает и обнадеживает. Я, бедный турецкий крестьянин Мехмет, возделываю свое поле такой же мотыгой, как мистер Нельсон в начале фильма. А в это время американские солдаты в Стамбуле, Измире пьют виски и безобразничают. Раньше мне это очень не нравилось, но теперь, посмотрев фильм «Самая нежная», я понял, что скоро разбогатею, а американские солдаты разорятся и придут ко мне наниматься в батраки. Сообщите, пожалуйста, долго ли мне еще ждать?»

[За неграмотного Мехмета письмо написал учитель Нежмет].

«...Мсье и медам! Я народный капиталист, работающий слесарем на заводе «Буржу и сыновья». Я владею двумя акциями этого завода. Они приносят мне грандиозный ежемесячный дивиденд, которого с лихвой хватает на целых четыре билета метро. Если бы парижским метро можно было приехать в рай, то я сказал бы, что капитализм принес мне райскую жизнь. Ах, как жаль, что пока еще на нашем метро так далеко не уедешь! Вот о чем я подумал, просмотрев фильм «Самая нежная».

Мишель Легран. Париж».

Кратко пересказал содержание фильма «Самая нежная» и перевел письма М. ВИЛЕНСКИЙ.

В ПОИСКАХ СИМВОЛА

мистер Макдональд адресовал свой волнующий призыв. Сдается нам, что каждое утро Дональд К. Макдональд с надеждой заглядывает в почтовый ящик и, не найдя там ответов, отходит прочь с тоской во взоре. Желая помочь американцу, мы обратились к художнику Н. Лисогорскому с просьбой придумать эмблему «гуманного», «народного» капитализма.

Вот его проект. Нам он нравится. Не знаем, понравится ли он Дональду К. Макдональду-младшему. Но он не должен быть на нас в обиде: благородного, вдохновляющего символа капитализма, как ни бефся, не придумаешь.

УВАЖАЕМЫЙ мистер Рестон!

Зная выдающуюся репутацию, которой вы пользуетесь не только среди ваших читателей, но и в журналистских и политических кругах США, мы искренне спешим обратить ваше внимание на те по меньшей мере странные мысли, которые встречаются в одном из ваших обзоров в газете «Нью-Йорк таймс» от 8 ноября этого года.

Вас возмущает, что столь популярные среди американских телезрителей викторины оказались сплошным жульничеством. Выяснилось, что победители различных конкурсов, получавшие огромные денежные призы, не только заранее определялись — их даже предварительно тренировали, в каких случаях запинаться для большего реализма. (А еще упрекают американское телевидение в недостатке реализма!)

Все это понятно. Но вы подчеркиваете, что дело не столько в главном участнике телевизионных махинаций — Чарльзе Ван Дорене, которого, кстати, в силу его профессорского звания можно назвать самым интеллигентным жуликом в США. Вы поднимаете руку на «парней, которые в погоне за легким заработком готовы пойти на все».

Признаемся честно, мистер Рестон, мы не ожидали от вас такого легкомысленного заявления. Вы, выходит, против тех, кто стремится побыстрее и полетче нажить деньги?

Давайте на минутку представим себе (больше минуты подобного напряжения фантазии человек вынести не может), что в весьма уважаемом у вас учреждении — на нью-йоркской фондовой бирже — вдруг исчезло бы стремление заработать больше, быстрее и притом наиболее легким способом. Так и слышится разговор двух дельцов:

— Хэлло, мистер Смит, я слышал, вы допустили страшную оплошность!

— Да, не говорите, по недостатку я заработал за сорок минут двести тысяч долларов. Это ужасно! Так быстро и так легко заработать!

— А мне везет! Ничего не зарабатываю. Как огня боюсь акций, которые могут быстро принести большой доход...

Смешно? То-то и оно-то! Вообразить, что в капиталистическом обществе люди перестанут стремиться к быстрейшему и легчайшему обогащению, — это равносильно утверждению, будто фирма, производящая виски, может призывать к трезвости.

* * *

В этом же обзоре вы горячо негодуете по поводу самой длительной в истории США забастовки сталелитейщиков. Вы пишете, что забастовка свидетельствует о «слепой жадности и о неустойчивой и потерявшей моральные ценности системе».

Позвольте, мистер Рестон, как же так? Мы не раз читали о классовой гармонии в США, о том, что капитализм уже давно исчез, что рабочие раз навсегда превратились в народных капиталистов, владеющих всеми предприятиями Америки и уж, во всяком случае, теми, на которых они работают.

Если это так, мы вынуждены представить себе такую картину. Джо Портер — рабочий-сталелитейщик. Одновременно он народный капиталист и владеет акциями этой компании. Все 116 дней забастовки Джо Портер вынужден был жить напряженной двойственной жизнью, ставящей в тупик наиболее известных психологов

Утром Джо Портер спешит на собрание бастующих.

— Будем бороться до конца! — гневно говорит он. — Заставим хозяев удовлетворить наши требования! Пусть владельцы компании раскошелятся! Я себя знаю! Пусть я раскошлюсь! Вон у меня доходы какие!

После обеда Джо Портер уже на совещании акционеров.

— Будем бороться до конца! — гневно говорит он. — Заставим рабочих согласиться с нашими условиями! Я хорошо знаю одного из них, Джо Портера. Так вот, я предлагаю держаться крепко. Я себя знаю! Вечно я чем-то недоволен! Зарплату мне повышай! Ишь ты! Нет, ничего у меня не выйдет, дудки! Я заставлю себя выйти на работу!

А что сказать о жене Портера? Она тоже мечется между забастовщиками и директорами компании, попеременно обещая себе поговорить с мужем, чтобы тот вышел на работу и ни в коем случае не выходил.

Абсурд? Ей-богу, не больший, мистер Рестон, чем идея народного капитализма.

* * *

И, наконец, последний вопрос, мистер Рестон, который вы поднимаете в вашем обзоре. Говоря о предвыборной борьбе накануне президентских выборов 1960 года, вы опять суете на ту неблагоприятную роль, которую играют деньги:

«Человек с неограниченными средствами может нанять неограниченный штат помощников для изучения различных проблем, подготовки речей, законопроектов, написания своей автобиографии, помещения статей в журналах. Все это производит впечатление, будто кандидат по меньшей мере мудрец, хотя на самом деле ему часто заранее подсказывают ответы».

И это говорите вы, мистер Рестон? Нет на вас покойного Маккарти... К чему вы это клоните?

Год за годом ваши коллеги утверждали, что богатство — это продукт ума, прозорливости, настойчивости, энергии, бережливости, моральной чистоты, хорошего здоровья и глубокой религиозности.

Нам говорили, что все умные люди в Америке становятся миллионерами, а неумные — безработными.

А послушать вас, уважаемый мистер Рестон, так получается, что богатство совсем не обязательно является символом ума и государственной мудрости.

Впрочем, говорить столь непочтительно о богатстве — это уже попахивает ересью...

* * *

Подобно Гамлету, вы утверждаете, мистер Рестон, что неладно что-то в вашем государстве:

«Здесь преобладает мнение, что мы как-то потеряли направление. Похоже на то, что никто не знает, как или почему, но все чувствуют, что что-то не в порядке».

Не нам с вами спорить по этому вопросу. Если уж вы говорите, что потеряли направление, значит, это действительно так. А что касается правильного пути, мы бы рады подсказать вам его, но неудобно как-то. Скажете, что Крокодил вмешивается в ваши внутренние дела. Боже избавь!

Искренне ваш
З. ЮРБЕВ.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Боннский министр по делам перемещенных лиц Теодор Оберлендер во время войны участвовал в уничтожении сотен ни в чем не повинных людей.

Разносторонний г-н Оберлендер.

ПО ОБВИНЕНИЮ В ЗАЩИТЕ МИРА...

(ИЗ СТЕНОГРАММЫ, НЕ ДОПУЩЕННОЙ БОННОМ К ОПУБЛИКОВАНИЮ)

В Дюссельдорфе перед судом предстали обвиняемые: Эдит Херет-Менге, Эрвин Эккерт, Герхард Вольрат, пастор Оберхоф, Вальтер Диль, Густав Тифес и Эрих Компалла.

— Итак,— сказал судья,— вы обвиняетесь в попытках подрывать самые основы политики, проводимой федеральными властями.

— Мы выступаем за сохранение мира в Германии и повсюду,— ответил один из обвиняемых.— Это в наше время так же логично и естественно, как, например, признавать, что Земля вращается вокруг своей оси.

— Все это чистейшая коммунистическая пропаганда! — загремел судья.— Свидетель, вы можете подтвердить, что подсудимые пытались пропагандировать теорию вращения Земли вокруг своей оси?

— Еще как могу подтвердить! — с готовностью ответил свидетель, который как раз в этот момент начищал до блеска судейский ботинок.— Подумайте только, господин судья, они доказывали, будто бы Земля имеет форму шара!

— Типично коммунистическая теория! — подхватил судья.— Но сейчас меня интересует другое. Свидетель, видели ли вы обвиняемых в тот момент, когда они призывали к сохранению мира?

— Еще как видел! — восклик-

нул свидетель, принимаясь за второй судейский ботинок.— Помню, вызвал меня герр Мюллер и говорит: вот тебе штатская одежда...

— Можете не продолжать,— поспешно сказал судья.— Нам уже ясно, что, выступая за так называемый мир, подсудимые занимались тем самым нелегальной антиконституционной деятельностью.

— Верно! — гаркнул свидетель, усердно работая бархаткой.

— Я надеюсь,— заметил прокурор,— что этот судебный процесс научит обвиняемых уважать конституцию Федеративной республики.

— Не хотите ли вы сказать,— спросил защитник у судьи,— что деятельность в пользу мира расценивается в нашей республике как нелегальная и незаконная?

— Это так и есть,— последовал ответ.

— Не значит ли это, что легальной и законной считается деятельность, направленная на подготовку к войне?

— Не забывайте, что я могу в любой момент лишить вас слова! — крикнул судья.

Никто из присутствующих в этом не сомневался. Сомневались в другом: смогут ли дюссельдорфские судьи лишить слова всех западных немцев, желающих мира? Их ведь, как-никак, несколько десятков миллионов!

В. АЛЕКСАНДРОВ

Ниже мы печатаем вместо рецензии подлинные письма ученика пятого класса Вовки Горохова своему другу Юрке Евстигнееву по поводу фантастического романа Леонида Оношко «На оранжевой планете».

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Здоров, Юрка!

У меня опять опухли гланды, и мама не пустила в школу. Я целый день сидел дома и читал «На оранжевой планете». Вот мировая книга! Автор все знает про космос, а о планете Венера и говорить не приходится. Он описывает, как три смельчака: Борис Федорович Озеров, Олег Гордеев и Сергей Сокрут — прилетели на Венеру. Там их никто не ждал. Сергей даже немного обиделся, что «...земных астронавтов не встретила делегация венерян и не обратилась к ним с приветственной речью». Но наши скоро простили это хамство венерянам, потому что те толком и не знали, что мы привенерились. Да, чуть не забыл тебе написать, что венеряне — это жители Венеры. Поэтому там говорят «привенерился», а не «приземлился» и «венеротрясение», а не «землетрясение».

И вообще, там все не как у людей. Планета у них оранжевая, а горы лиловые, а холмы кофейные, а рощи лимонно-желтые, заросли пунцовые, хвоя сизая и фиолетовая, птицы алые, дыни «бешеные»: притронешься ногой — они разрываются, как гранаты. Даже стрекозы не такие, как у нас. Они здоровые, как орлы, и рот у них «оснащен изогнутыми, как ятаган, выступами». Зато у страшных чудовищ венерозавров имеются «булавовидные хвосты», заканчивающиеся «двумя шипами в форме секиры». Вооруженные секирами и ятаганами, стрекозы и венерозавры чуть не поели всех членов экспедиции. Так что знай: на Венере полным-полно всяких чудовищ, того и гляди тебя сглатает «тутошний птеранодон», или полущершень-полустрекоза, или полукозел-полубезьяна, или целая дзира — морская змея. Слава богу, у наших летчиков были лучевые ружья и космические пилюли. Они как заглотают космическую пилюлю и как пальнут из лучевого ружья, так им все нипочем. На них напали ямурские воздушные корабли — они как стрельнули по ямурам фиолетовым лучом, так те сразу наутек. Ха-ха-ха, я пишу тебе про ямуров, а ты даже не знаешь, кто они такие. На Венере, оказывается, живут симпатичные аэры. Они совсем как люди, только уши у них почему-то без мочек и зрачки не круглые, как у нас, а «щелевидные, как

«МОНО ДЖУИ» И

у кошки, и они то становятся еле приметными, узкими, как струна, то, плавно расширяясь, напоминают очертаниями своими чечевичку». Кроме аэров с чечевичными зрачками, там живут ямуры-карлики с крючковатыми носами и просто кретины — троглодиты с маленькими, мышиными глазами.

И вот кретины взяли в плен Сергея и чуть его не убили. Они были совсем слабоумные, эти кретины. «Оживлялись они только во время еды, сопровождавшейся визгливыми криками, оплеухами, щипками».

На этом заканчиваю свое письмо, так как еще не дочитал всей книги. Будь здоров, не будь кретином. Вовка.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Привет, Юрка!

Не писал тебе целых три дня, так как не мог узнать, освобожден ли Сергей от кретинов. Папа отобрал у меня книгу и сам начал ее читать. А вчера он сказал маме:

— Хороший романчик сварганили про венерян, ничего не скажешь!

— Про каких венерян? — спросила мама.

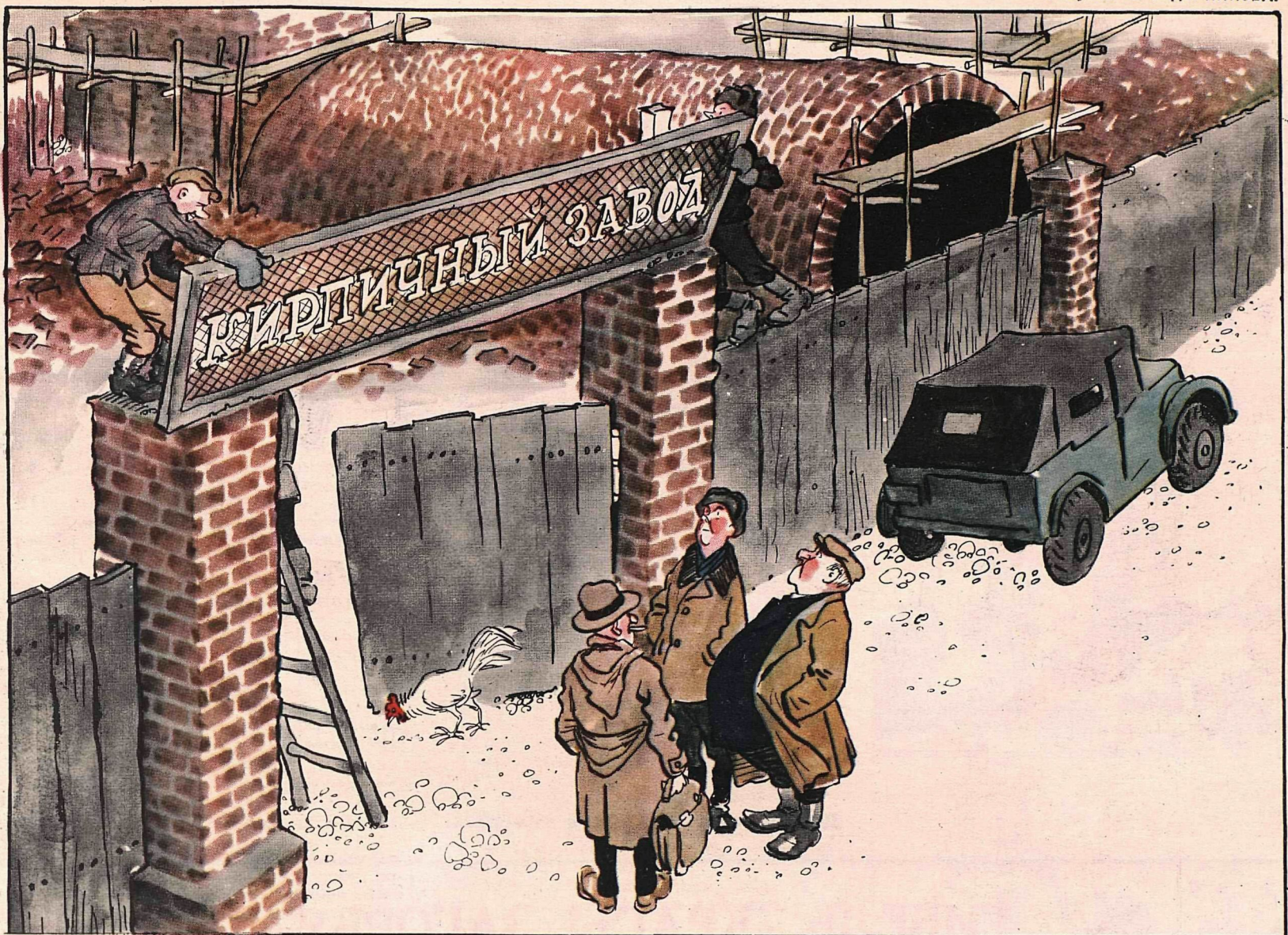
Тут папа начал объяснять и читать из книги целые куски.

— Нет, ты только послушай: «Углекислота в избытке, тепла много, вода в изобилии. Тут, батенька, все должно развиваться со сказочной быстротой и достигать в короткий срок чудовищных размеров... И любовь здесь, должно быть, пылкая, страстная, не чета земной...»

— Еще бы! — сказала мама.— Избыток углекислоты, понятно, влияет и на любовь!

— А вот послушай миленькие рассуждения о космических ловеласах! «Мы его ищем, ищем,— воскликнул Озеров, возводя к небу руки,— весь лес переполошили, а он с венерянской голубкой воркует... Рандеву ей возле папоротников назначил... Космическим ловеласом себя возомнил. Вы ему, девушка, не очень-то верьте. У него жена под Москвой и двое хорошеньких близнецов, а он тут соловьем разливается, пыль в глаза наивным особам пускает... Гоните его, девушка, прочь». На эту тираду Сергей отвечает, что «иглолочка» насчет жены и близнецов не достигла цели, так как прекрасная венерянка ни слова не понимает по-русски.

— Кирпич для постройки мы достали. Но вот вопрос: где достать теперь глину для изготовления кирпичей!

ТУТОШНИЙ ПТЕРАНОДОН

«— Не поймет, так догадается,— отпарировал Озеров.— Уверен, что и на Венере есть попрыгунчики. А манеры у всех донжуанов одинаковы и руководящий принцип тот же — «цель оправдывает средства».

— Брр, какая пошлость! — сказала мама.

— М-да, гипотеза относительно того, что все донжуаны нашей галактики похожи друг на друга, не слишком большой вклад в науку о космосе, — сказал папа, — К сожалению, автор не ограничился этим. Он перенес на Венеру и нечто другое. Оказывается, здесь действуют силы войны и силы мира. Фашиствующие карлики-ямурсы хотят поработить планету. Борьба между ямурами и аэрами карикатурно воспроизводит некоторые земные наши отношения.

— Просто удивительно, как у людей подымается рука столь легкомысленно писать на большие, ответственные темы!

— К тому же наш фантаст плохо представляет себе то, о чем рассказывает своим читателям. Он пишет: «какие-то диковинные деревья», «какое-то бурое существо», «какие-то метельчатые растения», «какие-то продолговатые зернышки», «какое-то членистоногое» — и так без конца. Слова «какие-то», «кто-то», «что-то», «где-то», «куда-то», «чего-то» повторяются более двухсот раз. А в книге триста пятьдесят страниц.

— Не давай Вовке больше эту книгу, — сказала мама.

— Мамочка! Папочка! — закричал я. — Как же не давать! А «моно джун»?

— Это еще что за «моно джун»?

— А когда Сергея взяли в плен кретины и спрятали в пещеру, одна старуха-троглодитка сказала ему «моно джун». По-венеряски это значит «пожуй пищу». Я боюсь, что они отравили Сергея!

— Никаких «моно джун» и «тутошных птеранодонов!» — строго сказал папа и спрятал книгу.

Вот несчастье!

Твой товарищ Вовка.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Здоров, Юрка!

Ты не волнуйся. Я все-таки нашел книгу. Оказывается, Сергея не отравили. Он убежал от кретинов и вместе с Олегом приехал в Аоон, столицу Аэрии. И там, наконец, их встретили с речами и посадили в элек-

тромобиль. «Астронавтов радостно встречали на всем пути их следования. В машину бросали цветы, венерянки приветственно размахивали лиловыми и голубыми шарфами, венеряне что-то кричали вслед...» И все было бы хорошо, если бы Бориса Федоровича не взяли в плен проклятые ямуры. Крючконосые карлики начали делать над ним ужасные опыты. Они приставили к темени Бориса Федоровича специальную пластинку, и он начал видеть затылком. Вот ужас какой! Спереди, понимаешь, он видел глазами, а сзади — затылком. Это называется «затылочное зрение».

Когда я рассказал про это маме, она рассмеялась. «Хорошо еще, что они не заставили его видеть пятками», — сказала она. А по-моему, ничего смешного в этом нет. Карлики-ямурсы были очень учеными. Они даже изобрели машину для высасывания знаний. Из головы бедного Бориса Федоровича «высасывали» знания подобно тому, как пиявки высасывают кровь».

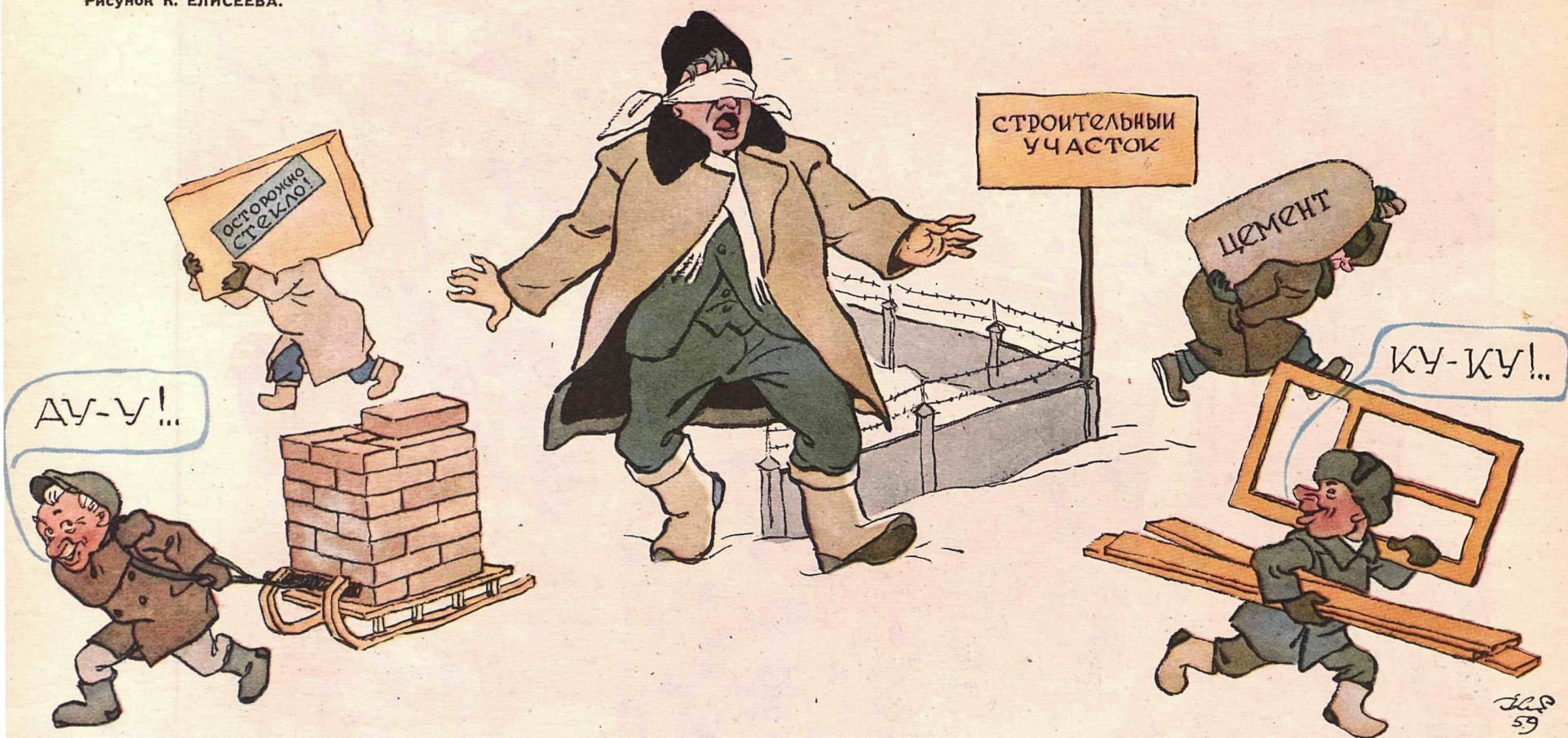
Как это тебе нравится? Они откачивали из его мозга память специальным насосом. Ты можешь себе представить, как испугался Борис Федорович! Да я бы тоже испугался, хотя знаний у меня не так много, только вчера получил по русскому языку двойку. Я сказал папе про насос, и он опять отобрал книгу. Но я снова нашел ее и дочитал до конца.

Я узнал, что Олега и еще одного венерянина чуть не убил полукорзел-полубезьяна. А другой венерянин изобрел такой аппарат, что мог лишить веса любой предмет: корабль, дом — что хочешь. И он бы, наверное, обезвесил весь мир, если бы его вовремя не убили ямуры. А Борис Федорович все-таки удрал от ямуров. Он бежал от них по дну венерянского моря, пока его не поймал здоровый моллюск. Но Борис Федорович спасся, хотя он уже не видел затылком.

Потом началась война между ямурами и аэрами, и наши астронавты еле удрали с Венеры.

Вот это книга так книга! Если увидишь ее, обязательно купи. У нее оранжевая обложка, и редактором у нее был дядя М. Штейн. Просто прелесть, а не редактор! И издали ее в Днепропетровске. Вот и все. Будь здоров. С землянско-венерянским приветом Вовка.

Письма доставил С. ШАТРОВ

Далеко не детская игра в «жмурки».

ГИБЕЛЬ «КРАСЫ ЗАГОРЬЯ»

Жил в Михневском (ныне Подольском) районе мичуринец П. П. Соловьев. Был у него опытный фруктовый сад в 0,65 гектара. Выводил Соловьев морозоустойчивые сорта яблонь, которые получили хорошую оценку на сельскохозяйственной выставке в 1939 году, крупноплодный крыжовник, клубнику «краса Загорья». Была пасака на 25 ульев: Соловьев собирал пчелиный яд для медицинских целей.

Все шло хорошо до тех пор, пока председатель соседнего колхоза «Новая жизнь» Гуревич не пожелал вырубить колхозную рощу, которая примыкала к опытному саду. А как вырубил, увидел сад и взволновался:

— Вот так фунт! Сад под носом. И еще какой сад — разлюли-малина, разлюли-смородина, разлюли-клубника «краса Загорья»! Хочу, чтобы все это было мое.

И, приняв это решение единолично, отправился в Мособлсполком.

— Отдайте сад мне! — заявил он. — В моих руках он совсем другим станет. Вы его потом не узнаете.

Заявителя ничуть не смущало, что никаких прав на это он не имел: сад насажен Соловьевым, а земля еще в 1922 году была выделена из госфонда и закреплена за опытным участком.

Но предприимчивость одержала верх над логикой. Было вынесено решение участок отдать в руки Гуревича, а Соловьева обязали убрать с участка все хозяйственные постройки. Правда, о саде ничего не было сказано. Видимо, он входил в понятие «хозяйственные постройки», нечто вроде собачьей конуры: взял и переставил с места на место.

Соловьев стал протестовать.

— Верно, я уже не молод, — говорил он, — и, может быть, не могу теперь ухаживать за садом как надо. Но не отдавайте его в руки Гуревичу! Погибнут и «краса Загорья», и сливы, и груши. Да и яблони, которые устояли перед морозами, вряд ли уцелеют.

Соловьев просил оставить ему клочок земли под пасеку, а сад отдать в хорошие руки.

Кстати, такие руки были: в московских областных больницах начались опыты по лечению разных недугов пчелиным маточно-трутневым молочком, и пасака Соловьева была весьма желательным соседом для одной из больниц. Но предколхоза победил. Сад отдали ему. И он начал действовать.

Однажды новый владелец с группой «ассистентов» с топорами и дрекольем ворвался в дом-лабораторию Соловьева, начисто разгромил его, расшвырял улья, «реквизировал» инвентарь пчелобудки, разогнал всю семью Соловьева. В общем, и сам Мамай не обтяпал бы этой операции лучше.

А потом дело пошло в суд.

Вы, наверное, подумаете, что это Соловьев подал в суд на Гуревича? Ничего подобного. Вчинил, как говорится, иск Гуревич. По его мнению, Соловьев должен был уплатить ему за... слом собственного дома-лаборатории 1 539 рублей и, кроме того, 2 тысячи рублей за охрану развалин этого дома.

Правда, охрана была поставлена лишь для острастки самого Соловьева. Ни больше, ни меньше, ибо, когда старик попытался подойти к своей пчелобудке, охранник Пенкин предостерегающе навел на него дуло заряженного ружья и заставил отступить.

Гуревич добился своего и в суде. Нарсудья 2-го участка Михневского района Колеватых вынес упомогающее решение, которое бы следовало высечь золотыми буквами на памятнике головотяпству, если бы таковой был воздвигнут:

«...Колхоз затратил на снос дома 1 539 рублей 22 коп., которые Соловьев должен колхозу возместить...»

К счастью, президиум Мособлсуда не дал свершиться этой интереснейшей в истории права акции, отменив неправильное решение.

Но сад поступил под эгиду Гуревича. За короткое время новый хозяин с честью выполнил слово, данное в Мособлсполкоме: сад стал неузнаваем. Он был загублен весьма простым и общедоступным способом. Каким спе-

циалистам было поручено окопать деревья, неизвестно, но при этой операции вся корневая система была повреждена, и яблони, отказавшись плодоносить, стали постепенно засыхать.

Председатель сильно рассерчал. Этот Соловьев попросту надул его со своим садом! После таких трудоемких мероприятий, как разгром дома-лаборатории, как охрана развалин и «уход» за деревьями, ему достался шиш! И он пишет в суд:

«За урожай (смородина, крыжовник, яблони) выручено 5 353 рубля (это еще урожай, выращенный Соловьевым. — *Ред.*). А за охрану сада и сбор урожая оплачено 6 129 рублей. Так пусть Соловьев оплатит разницу — 776 рублей».

Пока производились эти оригинальные коммерческие расчеты, Соловьев бился над тем, чтобы спасти хоть пасеку. Пчела — глупое создание. Выбросили ее, а она опять на старое место летит и там гибнет, ибо довольствия и крова ее лишили полностью. И вскоре ни одной пчелы в живых не осталось.

Ходил-ходил Соловьев, просил, умолял. И наконец Подольский райсовет написал в «Новую жизнь» бумажку: мол, все же совесть надо иметь. Верните Соловьеву его личный инвентарь и пчелобудку и не мешайте заниматься сбором пчелиного яда.

Понес Соловьев драгоценную бумагу по адресу. Адресат вышел на крыльцо и сказал:

— Знать ничего не знаю! Я тебя не видел и бумаги не читал. Пошлешь мне ее почтой... Эй, вы! Не пускать Соловьева на порог!

Погиб фруктовый сад: яблони, груши, сливы, вишни. Погиб чудесный крупноплодный красный крыжовник. Поросла бурьяном «краса Загорья». Погибла пасака.

...Гуревич снова недоволен. Он оглядывает окрестности с заветной думой: «А нет ли еще поблизости какого-нибудь сада-винограда, пасеки, рощи, бахчи? В моих руках они бы стали неузнаваемы».

Е. ЦУГУЛИЕВА

СЛУШАЕТСЯ гражданское дело по иску Захарова Николая Ивановича к Захарову Алексею Николаевичу...

С передней скамьи поднимается сухонький старичок и выжидающе смотрит на народного судью. На старичке заплатанный ватник, черные молескиновые штаны, заправленные в стоптанные сапоги. Из кармана ватника торчит горлышко бутылки с прихваченной резинкой медицинской сигнатурой.

— Гражданин Захаров, подойдите ближе. Старичок торопливо, мелкими шажками подходит к судейскому столу.

У двери в зал, где стоят несколько парней, раздаётся смех. Судья постучала карандашом.

— Прошу вести себя тихо. Мешающих буду удалять!

Старичок достает из кармана бутылку, бережно откупоривает и выпивает три глотка. Выпив, долго морщится.

— Гражданин Захаров, что вы можете заявить суду?

Истец тычет правой рукой воздух по направлению к столу:

— Там все написано, граждане судьи. Сын мой Алексей не желает помогать родителю. Живет он хорошо, зарабатывает неплохо, а я, можно сказать, пропадаю в отчаянии...

— Пенсию получаете?
— Самую низменную. Да ведь если бы сына не было, я бы не требовал. Я бы примирился. На нет и суда нет. А он есть, сын. Живет хорошо, зарабатывает неплохо.

Старичок опять достает бутылку и выпивает три глотка.

— Здоровьем совсем ослаб...
— А без суда с сыном пытались договориться?

— Ничего не вышло, граждане судьи. Не хочет. А сам живет хорошо, зарабатывает неплохо...

— Понятно.
Судья пошептала с народным заседателем, сидящим справа, пожилым железнодорожником. Но железнодорожнику тоже, видно, все понятно, и у него вопросов нет. Народный заседатель слева, молоденькая девушка с комсомольским значком, спрашивает:

— Сколько ваш сын зарабатывает?
Старичок с достоинством отвечает:

— Знаю, что хорошо, а сколько точно, он обязан вам сам сказать. Хорошо живет...
— Садитесь, истец... Ответчик Захаров, подойдите.

Из кучки парней, стоящих около двери, отделяется молодой человек. Он идет не спеша, иронически улыбаясь, словно хочет сказать: «Подумаешь! Сейчас отбрехаюсь».

Пройдя несколько шагов, он снимает светлое габардиновое пальто и кидает его вместе со шляпой парням:

— Подержите, ребята.
Рядом со стариком парень в своем хорошо отутюженном костюме, в белой рубашке с малиновым галстуком выглядит роскошно до неприличия.

Из публики доносится:
— Ничего себе, послал бог сыночка!

Молодой человек стоит перед судом и тщательно рассматривает носки своих до

блеска начищенных ботинок. На старика он не взглянул ни разу.

— Ответчик Захаров, что вы можете показать суду?

— Все могу.
Привыкшая к любым ответам, судья равнодушно произносит:

— Пожалуйста, расскажите.
Молодой человек повернулся к отцу, внимательно посмотрел и заговорил:

— Зарабатываю я, как здесь совершенно справедливо заявлялось, неплохо. Прилично зарабатываю. Но у меня, граждане судьи, своя семья. Небольшая, но все же семья: жена и дочь. Сам я третий. Теперь, вы знаете, все люди тянутся к образованию, учатся. Моя жена тоже решила стать инженером. Работала и училась на вечернем, а сейчас перешла на дневное, с отрывом от производства. И, представьте себе, схватила двойку...

В зале очень тихо, даже не скрипят скамейки.

— Схватила, стало быть, двойку, а с двойкой стипендия...

Кто-то в зале язвительно произносит:
— Экономическую базу под натуральную подлость подводит!

Старичок с любопытством смотрит на сына. А молодой Захаров продолжает все в том же духе:

— Самим не хватает на все. Жене одеться хочется, девочку в садик водим — опять расход...

Народный заседатель с комсомольским значком, не выдержав, вслух возмущается:

— И не стыдно вам, гражданин Захаров!

— Мне? Стыдно? А чего мне стыдиться? Я не пью, как некоторые, я на семью...

Он повертывается и смотрит в зал. Иронической улыбочки как не бывало, на лице у него смущение и растерянность.

— Прошибло! — слышится в зале.
Ответчик машет кому-то рукой. К судейскому столу подходит еще один молодой человек, ростом пониже и не так шикарно одетый.

— Это я, граждане судьи, Захаров Алексей Николаевич. А тот, кто до меня выступал, — мой товарищ по заводу Володя Сапожников. Он еще холостой, у него никого нет: ни сына, ни дочери, ни жены.

Судья стучит карандашом:

— В чем дело, гражданин?

— Сейчас все объясню. Мне, граждане судьи, двадцать восемь лет, а папашу моего я не видел двадцать пять, с тех самых пор, как он нас, мать и меня с сестренкой, на новую супругу променял и петлял по разным городам. А этот спектакль, граждане судьи, просим нам с Володей Сапожниковым простить. Загяели мы его потому, что папаша с сестренки — она под Рязанью живет — две сотни в месяц высудил.

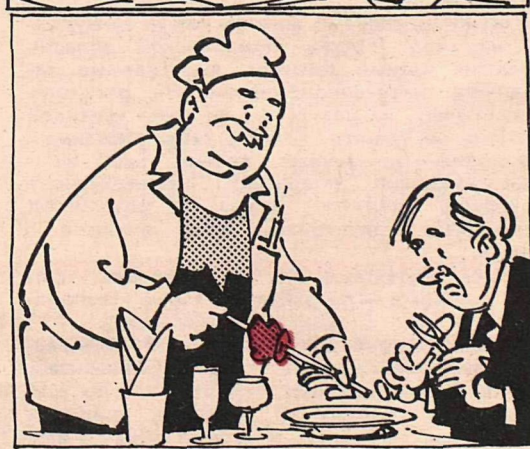
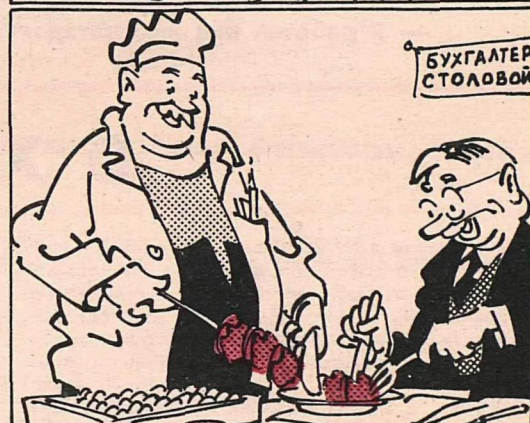
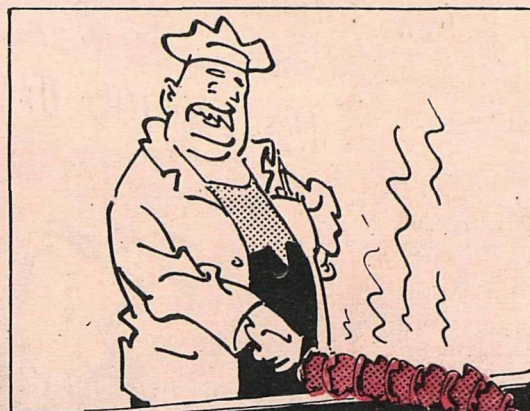
Молодой человек повернулся к истцу и жестко спросил:

— Что, гражданин Захаров, родного сына не узнали?

Только сейчас все увидели, как ответчик похож на старика.

— А теперь, граждане судьи, судите нас и по закону и по совести...

Старичок полез за бутылкой... Истцу отказали.

...и донес его до потребителя.

— Я работал над ним пятьдесят восемь лет!..

Калачи-кирпичи

...К бумаге, к вечному перу!
Что будет — ямб или хорей?
Еще никак не разберу.

...Мну слова, как глину и тесто
На кирпичи и на калачи.

...Воздвигаю над буднями
Что-то такое буйное...
Звонкое...

...Поэзия! Приди женой...
Порежь мне хлеб ржаной,
Поддай тарелку супу.

(Из книги стихов
Винтора Бонова «Заструги».)

Нашло на меня вдохновенье.
Скорее к бумаге, к перу!
Какое создам я творенье!
И сам не совсем разберу.

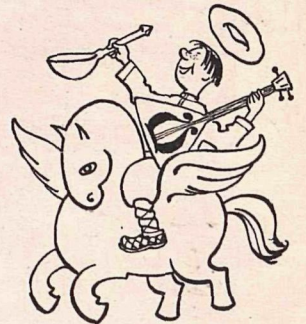
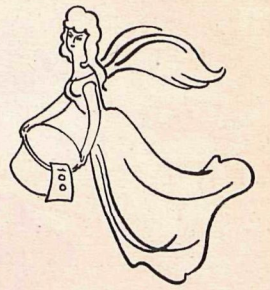
Слова мну, как глину и тесто,
Потом испеку их в печи,
И будут вкушать повсеместно
Мои калачи-кирпичи.

Я прежний птенец желторотый!
Из ржи — я душистый калач!
Воздвиг я над буднями что-то,
А что — не пойму, хоть ты плачь.

Ишь ты, как скакать наловчился
На Пегасе, на буйном коне!
На Поэзии я женился,
Чтобы суп подавала мне.

Василий ПОДМАЙСТРОВИЧ

г. Черновцы.

О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ...

...мы писали в № 21 нашего журнала за этот год. Писали о хрустящих корочках, об ароматных булочках, об аппетитных бубликах, о несравненной, душистой краюхе ржаного каравая. Писали и о сыром мякише, пригорелой корке, цельнотянутой баранке, железобетонной сайке.

Булочка, о которую можно сломать коренной зуб, поднимает множество проблем.

Почему мы сплошь и рядом выпекаем безвкусный, слишком пресный или слишком кислый, слишком сырой или слишком жесткий хлеб? Кто печет хлеб? Как? Кто, где и как готовит кадры пекарей? Почему в булочных с непонятным остервенением швыряют, тискают и мнут беззащитные батоны и плюшки, сайки и пышки?

Мы выступаем против безвкусицы, гнездящейся на сцене, на экране, на холсте. Почему мы не должны выступать против безвкусицы, угнездившейся на нашем обеденном столе?

Перед нами ворох читательских писем. Из Татарии и из Свердловской области. Из Киева и Пскова. Из Алтайского края и с Гомельщины. Из Удмуртской АССР и из Кемеровской области. Письма о хлебе насущном. Отклики на фельетон.

Горькими словами живописует Н. Кожуренко из села Тискуль, Кемеровской области, сладкие мятные пряники, выпускаемые тамошним райпищекомбинатом. Ни раскусить эти пряники, ни размочить, ни даже кувалдой разбить не удастся. «Прошу тебя, уважаемый Крокодил, — заканчивает письмо наш читатель, — наметьки директору пищекомбината товарищу Якименко, чтобы он разработал технологию употребления этих пряников в пищу».

Будем надеяться, что тов. Якименко проявит чуткость — разработает такую технологию.

А как употреблять в пищу хлеб, выпекаемый Аврамовской хлебопекарней (Хойникский район, Гомельской области), если он, по свидетельству читателя И. Ройтмана, представляет собою «клейкую и вязкую массу напо-

добие пластилина»? Впрочем, на этот вопрос обязан по долгу службы ответить заведующий пекарней тов. Шатило. Чего мы от него и ожидаем.

Однако всегда ли виноват пекарь? Вот что пишет В. Горбань, заведующий пекарней на станции Чебеньки, Оренбургской области:

«Твой фельетон, дорогой Крокодил, имеет прямое отношение к нашему совхозному рабкоопу. Пекарня наша построена тридцать лет назад, и в то время она соответствовала нуждам населения. Что же теперь? Население Чебеньков увеличилось в шесть раз, а пекарня со всем ее оборудованием обветшала за это время раз в десять. Поэтому мы иной раз не успеваем выпускать не только хороший хлеб, но даже и посредственный... Прошу тебя, Крокодил, обратиться в Центросоюз, пусть там подумают о строительстве современных механизированных хлебопекарен в рабочих поселках. Только пусть не размышляют слишком долго».

С готовностью передаем это пожелание Центросоюзу. Но, быть может, и другим организациям не мешало бы включиться в это дело? Совнархозам, например?

И еще мы хотим привести здесь письмо Василия Николаевича Яблочкина из Пскова. Сейчас вы сразу поймете, почему.

«Товарищ Крокодил!

Я пекарь по профессии, с 14-летнего возраста до 65 лет работал по этой части. Пишу, извините, как умею, не искушен в сем деле.

Вот меня щекочет вопрос: почему все же у нас такой малый прогресс в хлебопечении? В чем корень?

Вы спрашиваете: «А кто готовит у нас пекарей?»

Ваш вопрос, а мой ответ: сами они растут, как могут. И если наши специальные учебные заведения занимаются подготовкой, то, упаси бог, не простых пекарей, а руководителей.

Нет, я не против образования. Но почему молодой человек или девушка (что случается

чаще, ибо парень считает для себя недостойным быть «каким-то пекарем»), почему эта девица тотчас после техникума ставится в пекарне на руководящий пост? Почему бы ей не потрудиться годика 2—3 в цеху на разных работах — для практики!..

Ну, а все-таки большое вам спасибо, уважаемый Крокодил, от старого ворчуна за эту статью. Почаще надо писать о таких насущных предметах, тогда и дело пойдет быстрее и лучше.

С совершенным к вам почтением
Яблочкин В. Н.»

Мы рассчитываем, что предложение ветерана хлебопечения будет хорошо встречено теми читателями, которые имеют прямое отношение к делу подготовки специалистов-хлебопечков.

И, наконец, перед нами отклики из Курского, Рязанского, Калужского облисполкомов, из Московского горисполкома, из Роспотребсоюза. Нам сообщают, что принимаются меры к улучшению качества и увеличению ассортимента хлеба насущного. Вопросы, поднятые в фельетоне, обсуждались и в Совете Министров РСФСР. Очень приятно узнать о решении Мосгорисполкома: в ближайшее время в разных местах столицы будет установлено более двадцати павильонов и тележек с электроподогревом для торговли горячими пирожками и бубликами.

Но, говоря откровенно, мы затем писали фельетон, чтобы по нему были приняты конкретные меры не только теми организациями, которые в нем упомянуты. Мы хотим еще раз сказать: давайте будем считать нетерпимым проявлением черствости любую черствую корку, проявлением халатности — любую заскорузлую халу! Давайте всюду призовем к ответу авторов любой непропеченной сайки, каждого изуверенного батона, всякой окаменевшей плюшки!

Вот это и будет самая действенная конкретная мера, которой мы хотели добиться фельетоном о хлебе насущном.

САМЫЙ СМЕШНОЙ СЛУЧАЙ!

КОНКУРС КРОКОДИЛА

В жизни каждого человека бывает много веселых минут. Давайте, друзья, посоревнуемся:

кто лучше расскажет о самом смешном случае, который произошел с вами или вашими друзьями в 1959 году. Не мудрствуя лукаво, напишите о том, что вызвало у вас смех, улыбку или просто привело в веселое настроение.

Победителей ждут специальные премии:

одна первая — 1 000 рублей,
две вторых — по 600 рублей,
три третьих — по 400 рублей и
пятнадцать премий поощрительных.

Жюри конкурса — редколлегия Крокодила.

Описание случая не должно превышать одной — двух страниц машинописного текста. На конверте делайте пометку: «Самый смешной случай».

Конкурс продлится
до 1 марта 1960 года.

Рисунок В. ЧИЖИКОВА.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Жена виновата во всем. Она все время производит нарушение семейной жизни путем непонимания меня и понимания жителя нашего села Григория Коваленка».

(Объяснение супруга по делу о разводе.)

«...Ну, как мы женились... Пришел я на вечеринку, напился пьяным и спяну не разглядел толком жену... И расписались. А она-то была трезвая, чего ж глядела?»

(Показание супруга по делу о разводе.)

— Опять спутник летит, своим бибиканьем творить мешает!

«Мне понравилась речь прокурора как в смысле риторики, так и в смысле акустики».

(Из защитительной речи адвоката.)

* * *

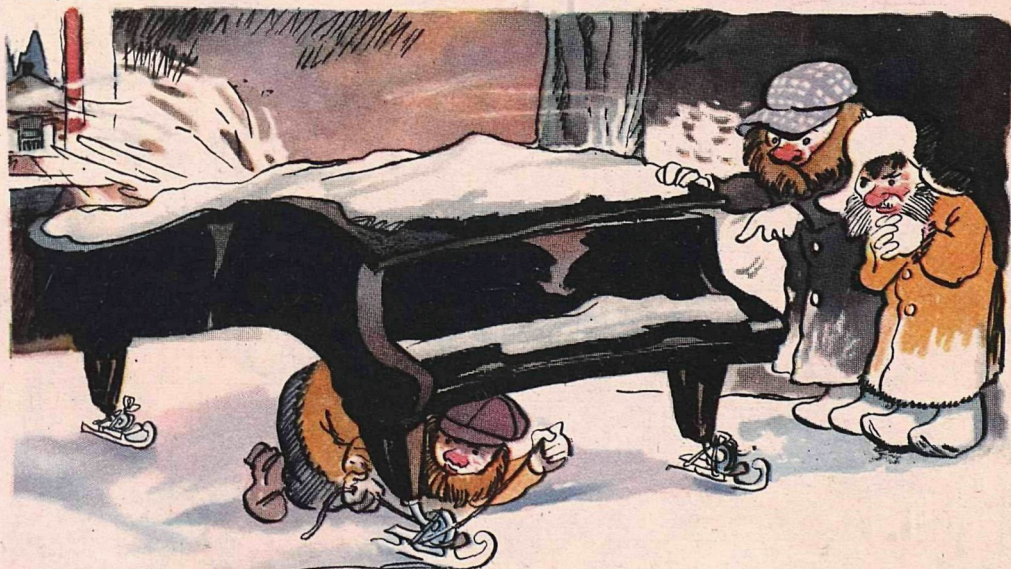
«Я честно и самолично пропил все вещи, в том числе и шубу же-

ны, в честь того, что жена родила ребенка...»

(Из объяснения ответчика по делу.)

Записал Ю. КРАХМАЛЬНИКОВ,
народный судья
Киевская область.

Рисунок КЕША.

— Как видите, наш клуб полностью подготовился к зиме.

Мкртич КОРЮН

МОЛИТВА ДРАМАТУРГА

Боже! В порядке чуда нельзя ли
Сделать, чтобы в нашем зрительном
зале
Пьесу смотрело бы столько людей,
Сколько их вывел я в пьесе моей!

Перевел с армянского АРГО.

Из редакционной почты

Ответ на запрос: «Установлено, что Кулаков в течение трех недель, будучи в отпуске на станции Манихино, сожительствовавал с гражданкой Галушкиной на добровольных началах. Признаков мошенничества в действиях т. Кулакова не обнаружено».

Вопрос о Кулакове разбирался на коллегии, где принято решение перевести Кулакова на работу, не связанную с движением поездов».

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (заместитель главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Издательство «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

А 01050. Изд. № 1823. Подписано и печати 30/XI 1959 г. Формат бум. 70×108%. Заказ № 2833. Тираж 1 200 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

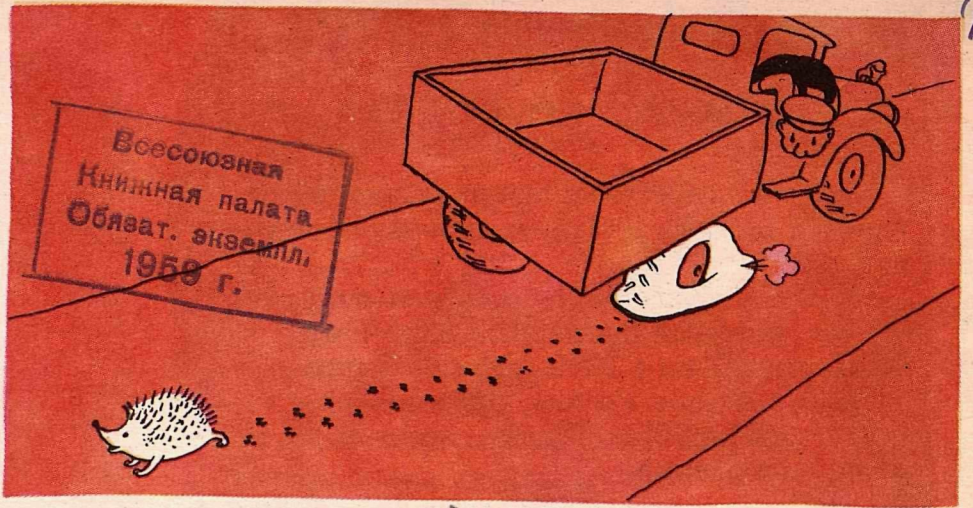
Рисунки Е. ГУРОВА, К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА.

10

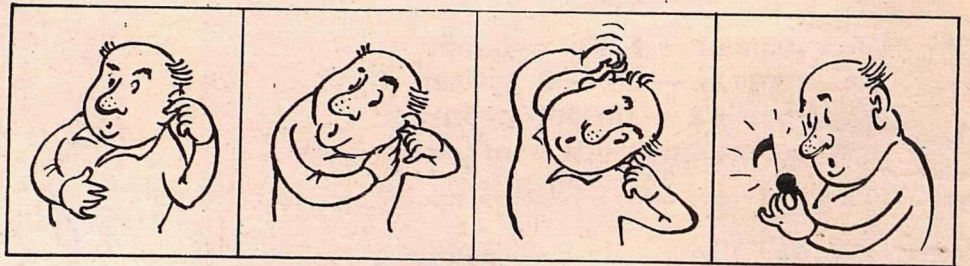
9 ДЕК 1953

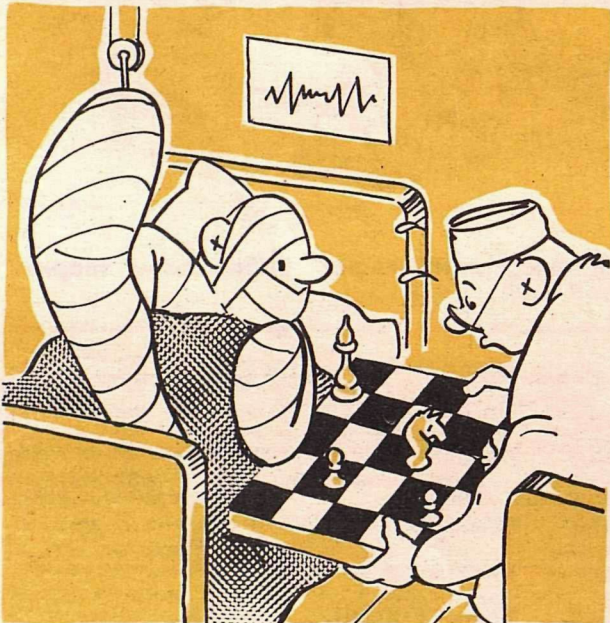
— Я же говорила тебе: не шали в ванне, перевернешся...

Без слов.

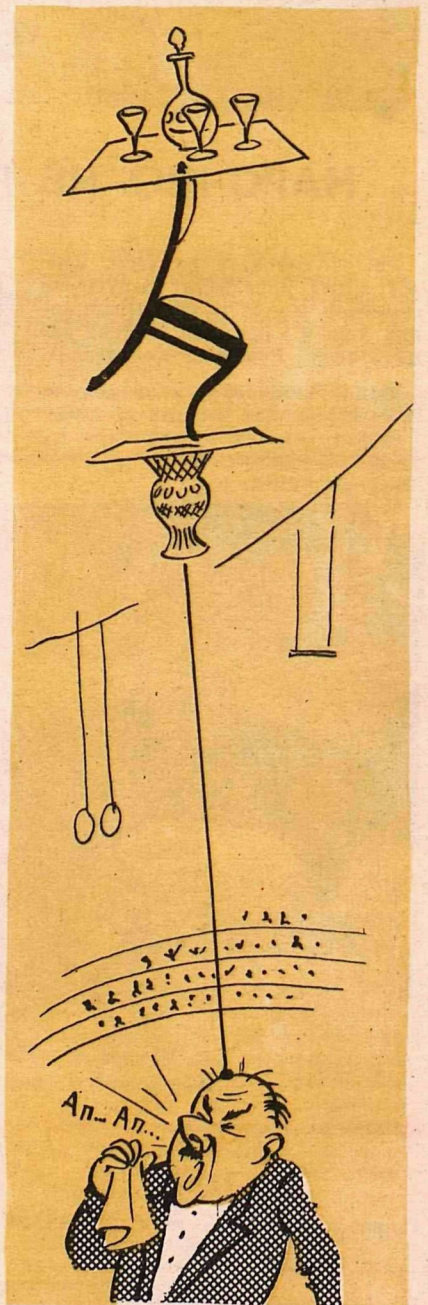
Без слов.

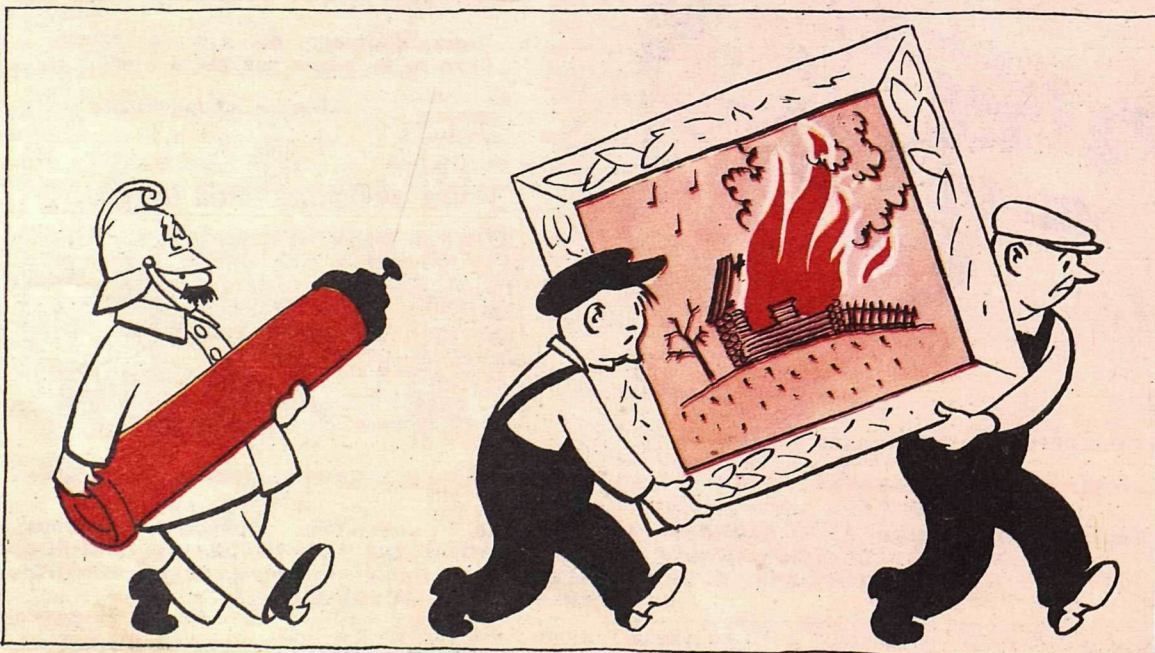
— Доктор, ваше положение очень тяжелое.

— Услышь меня, хорошая, услышь меня, красивая...

Без слов.

Профессиональная бдительность.